

АЛЕКСАНДР УСОВСКИЙ

НЕОКОНЧЕННЫЕ ХРОНИКИ ТРЕТЬЕЙ МИРОВОЙ

КНИГИ ЛЖЕПРОРОКОВ

Неоконченные хроники Третьей мировой

Александр Усовский
Книги лжепророков

«Автор»

2026

Усовский А. В.

Книги лжепророков / А. В. Усовский — «Автор»,
2026 — (Неоконченные хроники Третьей мировой)

ISBN 978-5-042-30995-3

События книги происходят с мая по сентябрь 2001 года. Одиссей (с помощью разветвленной сети агентов Управления Н в Европе) бежит из венгерской тюрьмы, и с помощью ряда хитроумных трюков оказывается в Беларуси (способ пересечения границы – из личного опыта автора). Там его настигает поручение начальства – разобраться в таинственной смерти украинского таможенника (и одновременно агента Управления Н) Александра Дроботея, погибшего на украино-польской границе недалеко от Львова. Расследование, проведенное Одиссеем, раскрывает грандиозную провокацию, которую запланировали совершить против России западные спецслужбы, обвинив её в поставке ядерного вооружения Ирану. В конце концов, провокация проваливается, а Одиссей 11 сентября 2001 года приезжает в Берлин, чтобы забрать Герду и сына.

ISBN 978-5-042-30995-3

© Усовский А. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	6
Глава первая	13
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Александр Усовский

Неоконченные хроники Третьей мировой. Книги лжепророков

Моей жене Лене – без которой не было бы написано ни строчки...

*Моим друзьям и коллегам по работе в Польше и Венгрии в
1992-2001 гг. посвящается*

***И восстанут лжехристы и лжепророки, и дадут великие
знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных;
и если скажут вам: «Вот, Он в пустыне» – не выходите; «Вот Он, в
комнатах» – не верьте; Ибо, как молния исходит от востока и видна
бывает даже на западе, так будет пришествие...
Евангелие от Матфея, глава 24, ст. 24-26***

*У нас нет места тем, кто привык проигрывать. Нам нужны
крепкие ребята, которые идут, куда им укажут, и всегда побеждают.
Адмирал Джон Ингрэм*

Bis vincit, qui se vincit in victoria!

Пролог

*Вюнсдорф (Федеративная Германия, земля Бранденбург), 17 декабря 1992 года.
Инженерный отдел штаба Западной Группы войск*

– Товарищ полковник, у нас проблемы. – Вошедший в кабинет заместителя начальника инженерных войск ЗГВ майор Звягинцев был непривычно бледен и нервно возбуждён – что было для него крайне нехарактерно. Обычно майор, несмотря на весь творящийся последние три года в бывшей Восточной Германии бедлам, сохранял бодрость духа и выдержку – чему немало способствовало радующее глаз изобилие спиртного в доселе бедненьких военторгах бывшей ГСВГ, а также заработная плата в инвалюте, серьёзным довеском к которой для него (впрочем, как для почти всех, без исключения, должностных лиц новоявленной российской армии в Германии) служил несложный гешефт по распродаже имущества, накопленного несокрушимой и легендарной на немецкой земле за сорок лет её там пребывания.

Полковник Антонович раздражённо махнул рукой.

– Какие, на хрен, проблемы? Опять эти балбесы из девяносто четвертой КамАЗ угля или бульдозер с длительного хранения немцам продали? Я этого Козинца из сто седьмого батальона когда-нибудь лично расстреляю! Вообще, быстрее бы эту свору из Шверина вывели... И так не знаешь, как всё это барахло вывезти, а тут еще отличники боевой и политической, что ни день, новые сюрпризы преподносят... Ну? Или сто тридцать четвертый в Майсене опять устроил пьяный разгул и поножовщину? Я просто поражаюсь – какой дурак додумался накануне вывода присылать сюда новобранцев с Кавказа? Ты что молчишь?

Майор Звягинцев покачал головой.

– Всё намного хуже. Намного!

Полковник сразу посерьезнел.

– Ну? Не тяни кота за хвост! Генералу Цветкову нужно будет докладывать? Что-нибудь вроде ЧП в Альтенграббе? Опять бундесы пытались проникнуть на территорию ракетно-технической базы?

Майор набрал воздуха, тяжело выдохнул и выдавил из себя:

– Изделие номер одиннадцать не поддаётся извлечению.

– То есть – как не поддаётся? У тебя что, крана под рукой не было? – Тут вдруг полковник мгновенно побледнел, и, почти шепотом, хрипло спросил: – Я правильно тебя понял?

Майор молча кивнул головой.

Полковник Антонович в сердцах грохнул кулаком по столу.

– Блядь! Ну что за жизнь?! – затем, уже спокойнее, деловито спросил: – А в чём там дело? Как быстро можно исправить ситуацию?

Майор Звягинцев покачал головой.

– Боюсь, не очень быстро. Детонатор системы неизвлекаемости не реагирует на коды. Система продолжает функционировать в автономном режиме.

В кабинете заместителя начальника инженерных войск повисла тяжелая тишина.

Полковник Антонович закурил, молча продвинув пачку «Честерфилда» и зажигалку своему сотруднику. Майор, не спеша, достал сигарету, прикурил, выпустил облачко синеватого дыма, пахнущего благовониями – и проговорил:

– Хрен его знает, что делать. Я лично коды – те, что в журнале в декабре прошлого года были зафиксированы – на детонаторе набирал, раз семь, наверное – ни черта не получается. Даёт сбой машинка, хоть ты плачь. Я и прошлогодние коды пытался ввести – бесполезно; «нет доступа» – и всё. А без отключения детонатора системы неизвлекаемости изделие из колодца вытащить – сами понимаете...

Полковник выпустил струю дыма, кивнул согласно. Затем спросил:

– Кто вводил коды? В прошлом году, помниться, ты отвечал за южные колодцы, в зоне ответственности восьмой армии?

– Ну да. – Майор оживился: – Я ж эти изделия и ставил, хотя официально на должности еще не стоял – ну, вы помните, я тогда как раз в капитанах лишний год ходил. Меняли старые изделия, семьдесят девятого года закладки. Два сюрприза мы тогда заложили в операционном районе семьдесят девятой гвардейской танковой. Тогда наш восемьдесят восьмой батальон из Йены ставил их в горах, в районе Лойтенберга и Обервайсбаха. И два «подарка от Андропова», как их особист наш, Зуйко, называл – мы тогда поставили в полосу тридцать девятой гвардейской мотострелковой, у Бротгероде и Райхенбаха. Двести семьдесят второй батальон из Готы ставил, с комбатом его мы тогда ещё изрядно выпили... хм... такой здоровый был мужик, фамилия еще такая смешная... Сейчас не вспомню. Я в прошлом году своими руками коды на них менял, и все четыре в августе-сентябре мы извлекли без проблем. Под видом инженерного имущества – как того требовал Бурлаков – вывезли в расположение триста пятнадцатого отдельного ремонтно-восстановительного батальона специальных машин шестнадцатой воздушной, в Фюрстенвальде, там же погрузили в эшелон и отправили на родину... Под видом сбрасываемых авиационных баков их тогда отправляли, кажется... Никаких сбоев и проблем. А тут... Разрешите доложить?

Полковник кивнул.

Майор открыл свою папку, вытащил листок с какими-то графиками, протянул своему собеседнику.

– Одиннадцатый объект находится в зоне ответственности второй гвардейской танковой, в операционном районе двадцать первой мотострелковой дивизии; пас его триста сорок восьмой батальон из Людвигслюста. Расположен колодец с изделием в лесном массиве у станции Ясниц. Коды на нем в прошлом году менял майор Кведеравичус... Который, как я понимаю, теперь неизвестно где. Не то в независимой Литве, не то в Латвии – я в них путаюсь, хрен этих прибалтов поймешь.

Полковник тяжело вздохнул.

– Мда-а-а, ситуёвина...

Затем, встав и подойдя к окну, Антонович поглядел на лежащий перед окнами плац, забитый предназначенной к эвакуации инженерной техникой, находящейся в окружении деятельно копошащихся вокруг нее двух сотен солдат в бушлатах второго (если не третьего) срока носки (старшины всё, что имело хоть какую-то ценность, старались сберечь для продажи, одевая бойцов в сущее рваньё; бороться с этим полковник бросил еще полгода назад – ввиду полной бесполезности). Бойцы спешно обшивали досками разное инженерное имущество, крепили по-походному стрелы, ковши, грунтоотвалы и ЗИПы на инженерных машинах; а, кроме того, как предполагал полковник, отвинчивали от техники те детали, которые, по солдатскому разумению, они могли бы продать хозяйственным немецким бюргерам. В первые месяцы вывода пойманных с поличным солдатиков карали за это нещадно, но когда полковник, будучи в командировке в Богучаре, увидел, что бережно упакованное в Германии имущество в родимом Отечестве гигантскими бесхозными терриконами складировалось на голой земле под открытым небом, проще говоря – сваливалось в бесполезные кучи никому не нужного железа – репрессии против солдат, продававших немцам всякие мелочи, тут же были прекращены. И ладно бы под откос любимая Родина сваливала только железо – где там! Целые дивизии живых людей новоявленное российское руководство бросало жить в поле...

Еще раз тяжело вздохнув, полковник продолжил:

– Это тебе, Звягинцев, неизвестно, где ноне обретается майор Кведервичус – который, к твоему сведению, литовец из Каунаса. А Зуйко мне докладывал недели две назад – видели нашего бывшего, так сказать, товарища по оружию, возле дома номер девятнадцать дробь двадцать один, который на тихой улочке Форенвег в берлинском районе Далем расположен. На

камере наружного наблюдения, какую чекисты подле этого домишки оборудовали, друг наш литовский засветился. А въехали в этот дом полгода назад, чтоб ты знал, не совсем обычные жильцы. Работу которых контролирует лично герр Конрад Порцнер, шеф лавочки под названием Бундеснахрихтендинст, штаб-квартира коей находится в Пуллахе, пригороде Мюнхена. Слыхал о такой?

Майор Звягинцев побледнел.

– Это... БНД которая?

Полковник кивнул.

– Она. Наш ныне самостийный друг Кведеравичус решил, что вдуть доверчивым немцам ржавые понтоны и списанные резиновые лодки, как это делаешь ты – не его уровень. Сядь! – резко бросил он майору, попытавшемуся опровергнуть последние слова хозяина кабинета: – Тут не о твоих амбициях речь, тут дело настолько серьезное, что я даже думать о нём боюсь. Какие у нас есть варианты? Ты не мучайся, Звягинцев, не напрягай извилины. – Тут полковник едва заметно, кончиками губ, улыбнулся: – Вариантов у нас с тобой только два. Варианта по эвакуации у тебя же нет? Нет. Следовательно, либо мы ищем способы нейтрализации изделия номер одиннадцать, включая ликвидацию на месте – которая половину Бранденбурга снесет к едрене-фене – либо оставляем его победителям в холодной войне. Чем делаем серьезный подарок нашему литовскому другу и герру Фолькеру Ферчу, какой сейчас вдумчиво потрошит всех наших офицеров, к таковому потрошению склонных. Или ты всё же имеешь за пазухой варианты эвакуации? Тогда самое время доставать их оттеля...

Майор Звягинцев почесал затылок.

– Хрен его знает. Система неизвлекаемости установлена так, что без отключения детонаторов мы эту дуру с места сдвинуть не можем – взорвутся те четыре ФАБ-100, что вмонтированы в фундамент колодца. Последствия взрыва можете себе представить... Детонаторы мы отключить тоже не можем – нет кодов доступа. Узнать эти коды можно только у бывшего нашего коллеги – который, насколько я понимаю, не для того их самовольно изменил, чтобы нам при первой же просьбе доложить. Стало быть – тупик. Надо докладывать наверх, пусть они там сами решают.

Полковник брезгливо поморщился.

– Там, наверно, сейчас такая свистопляска – хоть святых выноси. Ты же знаешь, вчера было подписано соглашение, что вся недвижимость ЗГВ переходит в собственность Германии. Чернилевский и Исаков вешаются – Бурлаков приказал вывезти всё, до последнего патрона, морем – поляки что-то до хера требуют за транзит. И ты, и я – знаем, что всё вывезти мы никак не сможем – хоть морем, хоть сушей, хоть по воздуху. А телепортация всё еще остаётся славной выдумкой фантастов... Так что, сам понимаешь, как минимум треть имущества придётся бросить – во всяком случае, нашего, инженерного: когда подписывали график вывода, с Цветковым никто ничего не согласовывал. А посему я тебе примерно отвечу, что о наших проблемах скажут сверху. А скажут нам, друг мой сердечный Микола Звягинцев, вот что: «вы там, блядь, вообще охренели? Простейший вопрос не можете решить? Изыскивайте возможности!». Вот и всё, что мы услышим от генералов Шуликова и Цветкова – это в самом лучшем случае.

Майор почесал затылок.

– Так ведь... Это ж не десяток мостовых ферм бросить, или там, скажем, парочку отслуживших своё скреперов или задроченных бульдозеров, которые дешевле здесь на металлолом сдать, чем домой везти? Ежели мы ТАКОЕ здесь просто так оставим – если узнают в Москве, головы полетят! В том числе и наши...

Полковник покачал головой.

– А никто про «просто так оставить» и не говорит. Ты мне сейчас напишешь рапорт, что изделие номер одиннадцать благополучно извлечено и доставлено – ты куда доставил десятую и двенадцатую железяки?

– В Штендаль, на склад триста тридцать восьмого батальона двести седьмой мотострелковой... – Майор непонимающе уставился на Антоновича.

– Вот так и запишешь, что изделие доставлено вместе с остальными двумя, в целости и сохранности, на склад инженерного имущества второй гвардейской танковой армии. У тебя акт передачи, надеюсь, еще не завизирован командиром двести седьмой?

– Пока нет... Машины мои у них просто в парке стоят, я, как только понял, что в Яснице засада – тут же на машину и в Людвигслюст, а потом сюда, через Потсдам; с машинами в Штендале я капитана Маркова оставил.

Полковник подумал, повертел в руках ручку, затем решительно приказал:

– Сейчас берешь дежурный «Урал», грузишь на него станцию обеззараживания воды – во-о-он бойцы её заканчивают досками обшивать, она по весу и размерам подходит под наше изделие, тоже килограмм четыреста весит – и вместе с ней едешь в Штендаль. Там сдаёшь её вместе с остальными изделиями на склад триста тридцать восьмого, визируешь это дело у завсклада и комбата, потом чешешь в штаб двести седьмой, подписываешь бумаги у зам по тылу и у комдива – и едешь ночевать в третью ударную, в сто двадцать первый батальон, что в Рослау. Ну, ты знаешь, мы у них там в прошлом году на Эльбе рыбачили.

Майор кивнул.

– Завтра утром возьмешь у майора Бельского два миксера с бетоном – они сейчас мост у Дессау восстанавливают после наших доблестных танкистов; я ему позвоню, договорюсь без лишних бумажек – и вместе с этими миксерами поедешь в Ясниц, к расположению колодца с нашим злополучным изделием.

– Товарищ полковник, к колодцу машины могут не пройти – там же нормальной дороги нет; с шоссе Людвигслюст-Войценбург за деревней Куммер к лесу, правда, есть грунтовка, но такая... После дождей есть шанс застрять.

– Пусть Бельский подберет толковых шоферов. Обязаны доехать! В общем, зальёшь колодец вместе с изделием наглухо. Четырех кубов бетона на это дело хватит? Чего молчишь?

Майор ошарашено глядел на своего начальника.

– Так ведь... Это... Подлог, товарищ полковник. Государственное преступление...

Антонович злорадно ухмыльнулся.

– А раз ты такой, твою мать, сознательный – пиши в рапорте всё, как есть. Дескать, товарищ генерал, мною, майором Звягинцевым, проявлена должностная халатность – в декабре одна тысяча девятьсот девяносто первого года я, майор Звягинцев, изрядно принял на грудь и не проконтролировал смену кодов доступа к взрывателям изделия номер одиннадцать, произведенную ныне беглым майором Кведеравичусом самостоятельно, из-за чего в данный момент я, майор Звягинцев, это изделие извлечь из колодца не в силах, ибо онный сукин сын литовец поставил не те коды, которые записаны в журнале, а свои, какие – хрен их знает; посему, что делать с изделием номер одиннадцать дальше – ума не приложу. Управление оным изделием из штаба Группы уже три месяца, как отключено, и ноне оно находится в автономном режиме – каковой режим предусматривает самоликвидацию изделия при любой попытке его извлечь из колодца без предварительного отключения системы неизвлекаемости. Систему же отключить невозможно. Прошу наказать меня за это так, чтобы другим инженерным майорам-пьяницам неповадно было, а изделие не эвакуировать, а взорвать на месте к едрене-фене. Ну и, как полагається, внизу – дата, подпись... Напишешь ты такой рапорт генералу Цветкову?

Майор виновато потупился.

– То-то! Не хрен тут из себя целку строить!

Звягинцев вскинул голову.

– А ежели того... обнаружат?

Полковник усмехнулся и покачал головой.

– Кто? Триста тридцать восьмой передаст три ящика летунам, в шестнадцатую воздушную, в триста пятнадцатый батальон, что в Фюрстенвальде. Летуны погрузят эти ящики в эшелон со своим барахлом, под ответственность службы ВОСО – это у Бурлакова такая хитрая задумка, чтобы, значит, шпионов НАТО со следа сбить. Нам с тобой в данном случае эта его хитрость на руку. Поступит всё это железо на станцию, предположим, Москва-Товарная, а оттуда – уже по назначению, на какой-нибудь арсенал. И до самого арсенала никто содержанием трех этих контейнеров интересоваться не станет – ибо не положено. Продлится вся эта морока недель семь-восемь, и будет в этой цепочке звена четыре-пять, не меньше. Если вдруг, паче чаяния, наш невинный подлог и обнаружат – никому сейчас проблемы не нужны, максимум – проведут служебное расследование, которое, как ты сам понимаешь, ни черта не даст. Концы в воду, одним словом. Тут сейчас и без нас скандалов – до хера и больше. Немцы, слышал? сейчас скупают наши тайны оптом и в розницу, бортовые компьютеры истребителей и ракет покупают по весу, давеча вон танк Т-80 прямо с платформы погрузочной приобрели незадорого... Так что скандал с одиннадцатым изделием никому не нужен. Мы его под пятнадцатью тоннами бетона похороним, и пушай потом Кведеравичус со своими немецкими дружками ломачами этот бетон с изделия скалывает!

Майор едва заметно улыбнулся.

– Это вряд ли. Вы же знаете, там датчики сейсмоактивности. Если по внешнему контуру хотя бы молотком ударить посильнее – они уже среагируют! Ежели мы изделие бетоном зальем – датчики никто и никогда не отключит, стало быть – и сдвинуть его с места без фатальных последствий будет невозможно.

– Вот-вот. И я о том же! Так что садись, пиши рапорт, а потом делай, что я тебе сказал. Кстати, и с бетоном там поосторожней – не приведи Господь, какой-нибудь из сторожевых псов сработает...

Майор Звягинцев достал из своей папки чистый лист, написал рапорт и, с лёгким сердцем, покинул кабинет заместителя начальника инженерной службы.

Скорее всего, всё произошло бы именно так, как запланировал полковник Антонович – если бы не одно «но». Которое кардинально изменило (правда, в защиту майора надо сказать – далеко не сразу) первоначальные намерения Звягинцева – и заключалось это «но» в клочке грубой сероватой обёрточной бумаги. В которую, по советской привычке, голосистые и грудастые продавщицы военторгов продолжали заворачивать халву и пряники для солдат Западной группы войск, надменно игнорируя продовольственное изобилие и разнообразие упаковки, хлынувшее в Восточную Германию после её воссоединения со своими западными братьями. Клочок как клочок, размером в ладонь, абсолютно никчемный и никому не нужный – если бы не надпись, сделанная на нём рукою супруги майора Звягинцева, которую оный майор исхитрился, несмотря на педагогическое образование, пристроить товароведом в один из вюнсдорфских военторгов. И гласила эта надпись следующее:

«Коля, звонил Альгис, просил тебе передать – Ясниц, сто тысяч бундесмарок».

Заскочив домой перекусить (а заодно и проконтролировать слабоватую на передок, несмотря на трагическое приближение даты сорокового дня рождения – или благодаря ему? – супругу), майор Звягинцев был встречен умирающей от любопытства женой, вручившей ему вышеупомянутый листок серой упаковочной бумаги (супруга знала за собой грешок дырявой памяти и все важные телефонные звонки, равно и устные сообщения, всегда записывала) – и с этого момента перед майором разверзлись врата ада.

Он не был предателем по натуре, майор Звягинцев; но впереди маячил вывод в голое поле, где-то в русской глубинке – без надежд на будущее, без самого этого будущего. Может быть, с боем будет вырвана худосочная двушка в панельном доме – где-нибудь в Вязьме или Богучаре; а может быть, не будет и её. А старший, заканчивающий университет в Ставрополе – в каждом письме умолял не дать умереть с голоду; а младшая, в этом году поступившая – не

без изъятий из семейного бюджета, да еще каких изъятий! – в Щукинское – мягко намекала папе с мамой, что без минимально возможной ежемесячной поддержки в двести марок единственное, что сможет удержать её от падения в бездну нищеты – это первая древнейшая; да и супруга, несмотря на все, что приносил в дом майор – оставалась при своём особом мнении, заключавшемся в том, что вернуться из Германии нищими – двенадцать тысяч марок, потом и кровью добытых Звягинцевым в нелегком ремесле продавца краденного, она деньгами отнюдь не считала – было бы верхом идиотизма.

Майор Звягинцев не был предателем – предателем его сделала жизнь (как он потом оправдывался перед самим собой).

Первую часть замысла полковника он воплотил в жизнь быстро и безупречно – вместе с двумя подлинными «изделиями» на склад триста тридцать восьмого инженерно-сапёрного батальона двести седьмой мотострелковой дивизии второй гвардейской танковой армии была доставлена, наглухо зашита досками (но от этого вовсе не ставшая более воинственной) абсолютно безобидная станция обеззараживания воды. По бумагам став зловещим «изделием номер одиннадцать», она в компании со своими действительно смертельно опасными соседками двинулась по предначертанным ей высшим командованием пути на Восток, на один из расположенных в глубине России арсеналов, которые, хоть и нехотя, но готовились принять гигантскую волну никому уже не нужных боеприпасов бывшей ГСВГ.

Вторую же часть хитроумного плана полковника Антоновича майор решил немного скорректировать – ибо цифра «сто тысяч» всю ночь жгла ему мозг, ослепляя и соблазняя немислимым количеством нулей – и к утру он решительно и бесповоротно мысленно положил её в карман. Получив утром в Рослау под команду у жизнерадостного майора Бельского два КамАЗа с миксерами, до самого верха набитыми бетоном – Звягинцев погнал их не к укромному уголку в лесном массиве у станции Ясниц, а, вступив в сговор с добродушным крестьянином в деревне Людерец, километров десять не доезжая до Штендаля – велел шоферам вывалить бетон в основание строящегося этим крестьянином коровника. Водители, туповатые, но исполнительные чуваши из-под Ижевска, выполнили приказ майора беспрекословно и быстро и, получив на руки по пятьдесят марок – убыли в распоряжение своего батальона, донельзя довольные временным начальством.

Колодец же в лесу у станции Ясниц, тщательно замаскированный трудолюбивыми сапёрами триста сорок восьмого инженерного батальона двадцать первой мотострелковой дивизии, хранящий в своей глубине «изделие номер одиннадцать» – остался в неприкосновенности, так и не познав ужаса насильственного погребения под толщей вульгарного бетона; в глубине его прохладного чрева продолжало чутко дремать таинственное «изделие», многочисленные датчики которого продолжали охранять его покой, а детонаторы системы неизвлекаемости – оберегать от бед и напастей. «Изделие» затаилось в своём колодце, чтобы в нужный момент коварный враг, посмеявшийся напасть на его хозяев, сполна и с довеском получил по загривку – увы, смертоносное железо не знало, что в ту минуту, когда струи бетона, вместо того, чтобы погresti под собой колодец с «изделием номер одиннадцать», стали ложиться в основание будущего благополучия крестьянина Йорга Ханнинга из деревни Людерец – прежний мир рухнул. С этого момента власть над несущим смерть и разрушение «изделием» перешла в руки врагов его прежних хозяев – впрочем, это уже совсем другая история...

Полковник Антонович до последнего дня руководил вывозом инженерного имущества ЗГВ – и в мае 1994 года слёг с инфарктом; последующая отставка, связанная с невозможностью продолжать службу, тяжело сказалась на его психике, и посему соседи по подъезду в старой владимирской «хрущёвке» обычно сторонились пожилого насуспенного отставника, желчно и ядовито комментировавшего политические события в стране и в мире на лавочке во дворе – если, конечно, находился доброволец, склонный его послушать.

Майор Звягинцев, уволившись из армии, купил шикарную трехкомнатную квартиру в Восточном Дегунино – новом районе Москвы; супруга обставила апартаменты привезенной с собой мебелью и разными предметами обихода – но жизнь четы отставников как-то не задалась. Бывший майор, обнаружив, что в родимом Отечестве ассортимент ликёро-водочных изделий похвально вырос во многие разы, по сравнению с его бедной юностью семидесятых, да и номенклатура импортных видов этого товара несказанно изумляла и радовала глаз знатока – решил лично обстоятельно продегустировать каждую новинку отечественного (впрочем, не брезгуя и зарубежным) крепкоалкогольного рынка, на чем очень быстро заработал цирроз печени; в ноябре девяносто шестого супруга схоронила его на Митинском кладбище.

Альгирдас Кведеравичус в девяносто третьем женился на вице-мисс Литвы 1992 года и открыл фирму по торговле цветными металлами; дела его довольно быстро пошли в гору. К концу девяносто пятого года его компания входила в пятерку крупнейших налогоплательщиков Клайпеды. Увы, в январе следующего года на шоссе Каунас-Вильнюс «Мерседес» президента компании «Аушра экспорт-импорт» попал в автокатастрофу; многочисленные подушки безопасности спасли жизнь водителю и пассажиру, но после этой аварии уважаемый бизнесмен из-за травмы позвоночника вынужден был составить единое целое с креслом-каталкой. Молодая супруга, обнаружив недюжинные деловые качества, довольно неожиданные для блондинки, сумела переключить на себя управление непростым процессом торговли цветными металлами, а затем, не без помощи бывших коллег господина Кведеравичуса, перерегистривала компанию на свою персону; пребывавшему до последнего дня в блаженном неведении инвалиду в одно далеко не прекрасное утро юрисконсульт его фирмы объявил, что с этого дня господин Альгирдас Кведеравичус и компания «Аушра экспорт-импорт» – два совершенно нетождественных понятия. К чести молодой супруги, правда, надо добавить, что просто выбрасывать на улицу калеку-мужа она не стала – в милой деревеньке Стялмуже, находящейся в чудесном тихом озёрном краю (мы не говорим – в захолустье!), у самого литовско-латышского рубежа, для бывшего президента компании «Аушра» был куплен уютный домик о двух комнатах, и нанята сиделка – с каковой господину Кведеравичусу отныне и до самой смерти позволялось сколь угодно долго рассуждать о людской неблагодарности и женском коварстве.

Пропавшее «изделие номер одиннадцать» так никто никогда и не искал...

Глава первая

* * *

Девять шагов от двери до окна, забранного изящной фигурной решеткой (веселые ребята ремонтировали эту кичу, однако!), четыре шага от шконки до шконки; в углу – веселенький салатный унитаз, и в тон ему – незатейливый, но без обычных для таких мест ржавых потеков, умывальник; в общем, на четверых – царские палаты. Если не бузить и вести себя тихо-мирно – пузатые ленивые охранники закрывают глаза на лишние пятнадцать – двадцать минут прогулки плюс к тому часу, что положен по закону. Книг целая полка, телевизор (правда, всего с тремя высочайше одобренными Министерством юстиции каналами) в наличии, по субботам – весьма спартанский, но всё же спортзал, каждый день – если есть желание – душ. Казенная пайка вполне съедобная, плюс – стараниями адвоката Лайоша Домбаи стол регулярно разнообразится всякими деликатесами; да и сокамерников (мадьяров; бедолаге-сербу за всё время их совместного сидения лишь однажды старенькая мама привезла каких-то домашних копченостей – посему серб всячески приветствовал и одобрял постоянные проявления славянской солидарности со стороны Одиссея) друзья и родственники частенько балуют ништяками с воли. Короче, сиди – не хочу.

Вот только сидеть хотелось с каждым днем все меньше...

Висящий в углу календарь с фотографией нежно любимой венгерской общественностью певицей Жужей (он как-то сдуру обмолвился в разговоре с охранником, что на его родине так называют собак – за что тут же поплатился лишением прогулки на три дня; лишь после этого ему стала понятна вся глубина народной любви к вышеозначенной певичке, и более смеяться над святым он не рисковал) мерзко царапает душу – твою мать, уже двенадцатое апреля две тысячи первого года! Один год, десять месяцев и десять дней он уже прожил по разным венгерским пенитенциарным богадельням – и где, скажите на милость, конец всей этой заварухе?

Суд был скорый и, в целом, нельзя сказать, чтобы уж совсем несправедный – тут всё же надо согласиться с доводами рассудка; в родном Отечестве за такие выкрутасы тоже, небось, по головке бы не погладили. Ежели так каждый зачнет, не спросясь, пулять по аэропланам – аэропланов не напасёшься! Так что двенадцать лет, которые ему припаяли – вполне заслуженный срок; и то, спасибо американцам, из высших политических соображений не объявивших властям в Будапеште, что в результате его злодейства четверо военнослужащих североамериканской империи отправились в Страну Вечной Охоты; а в ином случае еще очень неизвестно, что с ним могло произойти!

В целом в Москве, как по секрету поделился Лаци, им остались довольны; что ж, он старался. Только вот насчет долгожданного освобождения всё как-то туманно; поначалу адвокат Дюла Шимонфи всё пытался разыграть карту невменяемости осуждённого – но потом что-то сник; видно, не всё в его адвокатских силах, даже несмотря на, как он подозревал, неслабые вливания наличными в изрядно проржавевшую систему венгерского правосудия. Иногда и очень большие деньги не всемогущи...

Правда, Лаци, то бишь, Лайош Домбаи, тоже адвокат, а ранее – офицер связи от Венгерской народной армии в главном штабе Объединенных вооруженных сил Варшавского договора (как он сам важно объявил при первой же встрече) – при каждом посещении надевает на лицо маску таинственной многозначительности и поддерживает в нем надежду глубокомысленными недомолвками – дескать, не бойсь, всё под контролем, вскорости вытащим тебя отсель – но конкретно пока ничего не обещает. Никакой тебе веревочной лестницы в пироге, напильника

в буханке, хлороформа для охранников в тубике от зубной пасты – ни боже мой! Адвокаты, по ходу пьесы, пытаются вытащить его хоть в минимальнейшей степени, но законными способами... Ну-ну. Посмотрим.

Хотя тюрьма, в общем, здесь знатная. И народ тут подобрался – впору о многих книги писать; через камеру сидит, например, один чудак, протестантский пастор Лорант Хегедюш – получил полтора года за призывы к сегрегации евреев. На голубом глазу перед своей паствой так и заявлял – дескать, изолируйте евреев, прежде чем они изолируют вас! Забавный чудак, идейный; тут, на киче, продолжал свои проповеди, даже кружок ревностных сторонников соорудил, вещает им о еврейском засилье и о грядущей гибели Венгрии... Но вообще пастор – мужик что надо! Даром что бывший вице-президент какой-то здешней радикальной партии – «справедливости и жизни», кажись.

В соседнем крыле вообще – мемориальная камера (то есть она при коммунистах была мемориальной, теперь – обычная общая, но табличку с двери вертухаи не сняли – или от лени, или думают, что большевики здешние могут вот-вот вернуться к власти? Хрен их знает...) – в ней с 1934 по 1935 годы сидел будущий вождь «советской» Венгрии Янош Кадар. Тогда тюрьма эта была усиленного режима, и сюда его зашвырнули за организацию голодовки; тут он, кстати, пересекся со своим будущим врагом номер один – с евреем Матьяшем Ракоши, которого после войны Иосиф Виссарионыч поставил смотрящим над мадьярским королевством – надо полагать, от безысходности; венгерцы в ту войну с нами бились по-взрослому, и опереться дяде Джо в новоприобретенном (с легкой руки Рузвельта и Черчилля в Ялте и благодаря ярости войск чуть ли не трех Украинских фронтов) протекторате было не на кого – окромя как на марксистов известной национальности, прибывших на негостеприимную Родину в обозе очередных завоевателей. Что нам, кстати, потом круто аукнулось венгерским антикоммунистическим (хм, некоторые туземцы именуют его антиеврейским...) мятежом пятьдесят шестого года...

После обеда в камеру заглядывает солнце – и жарит немилосердно, хотя еще только середина апреля; да, не зря Сегед называют «городом солнечного света» – тут больше двух тысяч часов в году светит солнце; если учесть, что в Москве солнечных часов в году где-то тыщу двести – то да, климат здесь зашибись. Вот только ему от этого – ни холодно, ни жарко... вернее, просто жарко. Сейчас бы на берег Тисы, на городском пляже поваляться, на девах венгерских поглазеть... И-эх!

Кстати, о девах. Друг сердечный Дюла Шимонфи предлагал пару раз Герде отписать – дескать, жив-здоров, сижу там-то – но он ему не велел девушку беспокоить. Сказано: жди к шести – вот и пушай ждет! Правда, однажды, когда тоска уже стала совсем горькой – попросил у Лайоша его сотовый, набрал Берлин – и шесть минут молча слушал её встревоженное «Алло! Алло! Саша, это ты? Почему ты молчишь? Ты меня слышишь? Ответь! Алло! Алло!». Но характер выдержал – хотя слёзы на последней минуте все ж предательски сыпанули... Бедная моя Герди...

Впрочем, тут мы слезливые настроения немедля купуруем – резко и безжалостно. Женщина моей жизни где-то там, далеко, в холодном и дождливом Берлине, ждёт меня у окна – а я пока ничего не сделал для того, чтобы явиться в назначенное время; посему – мучаться по этому вопросу контрпродуктивно, то бишь – бесполезно. Отдадимся на волю богини судьбы (чьими жрецами здесь выступают московское начальство и здешняя сладкая парочка адвокатов) – пусть она самостоятельно чертит грядущий мой путь в бескрайнем море жизни! Конечно, ежели бы удалось, скажем, попасть на какие-нибудь работы в город – то, может быть, и стоило бы попробовать переломить худую судьбу; но, увы, это из области фантастики. Будем брать пример с сокамерников – каковые ни о каком досрочном освобождении даже не помышляют, смиренно клея пакеты.

Вообще, сокамерники ему подобрались – еще те пассажиры! Магьяры – Ласло Тайнафёи и Петер Ковач – оба «экономисты», сиречь – мошенники. Один вляпался с кредитами под бомжей, другой из закарпатских хохлов делал учредителей обществ с ограниченной ответственностью, по-венгерски сокращенно КФТ – неизвестно, правда, для каких целей. У обоих по три года, оба уже планируют, чем займутся на вольном воздухе – причем, что характерно, оба о занятиях каким-нибудь законным бизнесом даже и не помышляют. К чему? Ласло рассказывал, что десяток кредитов, взятых (под его чутким руководством) опрятно одетыми бродягами, общим брутто выходом в три-четыре миллиона форинтов, позволяют безбедно жить пару лет (а если удастся нахитрить с какими-нибудь документами на дом или квартиру, то и все десять) – на фоне таких заработков честные сто пятьдесят тысяч форинтов в месяц смотрятся, действительно, жалко... А урам Ковач, известный в определенных кругах достаточно хорошо, за одну фирму, оформленную на гуцула, брал миллион форинтов – то бишь, без малого пять тысяч американских рублей. И таких фирм он регистрировал и продавал по две-три на месяц – пока венгерская Фемида не поставила точку в столь блистательной карьере.

Четвертый их сожитель, вышеупомянутый серб из Субботицы, погорел на контрабанде – причем исключительно из-за своей жадности. Теперь-то он, конечно, горевал и каялся, и готов был тому таможеннику, с которым не поделил жалкую тысячу долларов – отдать пять – но время ушло. И ладно бы вёз какие-нибудь наркотики или там оружие – какое там! Двести ящиков сигарет «LM» и «НВ» – всего-то! Албанцев с партиями героина в несколько килограммов магьяры ловить стесняются – были случаи, когда семь особо рьяных таможенников горячие южные деятели вырезали под корень, с детьми и собаками – а вот на таких бедолагах, желающих малость заработать на албанской экономической «чёрной дыре», образовавшейся после войны 99-го года, стараются отыгаться. Получил парнишка, конечно, ерунду – полтора года – но самая трагедия не в тюремном сроке, как он поведал Одиссею как-то в припадке отчаянья. Самая проблема – в экспроприации венгерским государством грузовика «Мерседес», каковой и стал, собственно, орудием преступления – ибо за грузовик этот несчастный Славомир Войкович остался должен чёртову уйму (по сербским понятиям) денег, и как их выплатить после освобождения – даже не догадывался.

Сейчас все трое усердно клеили конверты в тюремной мастерской (один форинт двадцать филлеров за штуку, за рабочий день можно было заработать долларов пять), Одиссей же – ввиду острого нежелания работать на магьярскую корону и абсолютного финансового благополучия (Ласло Домбаи каждый месяц переводил на его счет по пятьдесят тысяч форинтов, сумма для тюремного сидельца более чем изрядная) – старательно штудировал, развалившись на шконке (сие было строжайше запрещено, но вы себе даже не представляете, какие чудеса может творить десяти тысячная бумажка с портретом короля Иштвана Первого!), увлекательную шпионскую эпопею Андраша Беркеши – единственную книгу на русском языке (кроме покрытых пыльным мхом сборников «Советско-венгерские отношения» и эпохального (во времена оны, конечно; ныне же никому не интересного) трехтомника орденоносного бровеносца и пятижды Героя, невесть каким ветром занесенных в тюремную библиотеку), которая нашлась в запасниках дружелюбной Илонки Йожеф, местной книжной принцессы.

Беркеши ноне в Магьярском королевстве не в чести – дескать, «наймит Советов», «неделанный Джон Ле Карре», «красный графоман», и всё такое – но Одиссею его литературная стряпня решительно нравилась. Всё по делу, наши – хорошие, ихние – исчадья ада, наше дело правое, враг будет разбит, и так далее. А главное – много текста; другой бы на его месте все события на десяти страницах расписал – а элвтарш Беркеши старательно на двести размазывает; самое то тюремное чтиво! Жаль, умер мужик, ему бы сейчас писать и писать – сколько всего изменилось!

Завтра нужно с утра записаться в спортзал – на здешних харчах Одиссей набрал пяток лишних килограммов (насчет пяти – это он себе врал; лишних было уже как минимум десять!).

Ещё бы не толстеть! Известно ведь, что Сегед славится своей «фирменной» колбасой – салами «Пик» (еженедельно в семи-восьми видах приносимой и Одиссею, и его сокамерникам) – и сегедской паприкой, сладкой или острой – на любителя. Оной паприкой обильно приправляют и тюремные блюда, а когда (по вторникам) на кухне готовят сегедскую уху, которой знаменит город – Одиссей просит Ласло ничего ему не приносить из еды. Уху делает повар из Кишкунфеледьхазы, севший за растление малолетних; неизвестно, как он там насчет кого-то растлить, а вот насчет ухи сбавать – он выдающийся мастер!

В общем, если бы он решил остаток жизни провести в тюрьме – лучшей и желать бы не приходилось; одна беда, каждая клеточка его тела гневно протестовала против одной мысли – так бездарно потратить двенадцать лет жизни! Одиссей спинным мозгом чувствовал – близиться серьезные и важные события; телевизор бубнил разную ерунду об ущемлении свободы слова в России, плакался над судьбой опальных тележурналистов, перемежая эти горькие сетования репортажами с заседания Дунайской Комиссии (после распада Варшавского договора экстерриториальный статус Дуная, по ходу, западным странам стал на хрен не нужен, и они этот статус потихоньку старались задушить) – но Одиссей понимал, что под этой дымовой завесой идёт планомерная работа против его страны. Как дружно (а, главное, одновременно и в одной тональности!) взвыли доселе абсолютно равнодушные к кавказским делам венгерские газеты – стоило нам решительно взяться за чеченский гнойник! Аж оторопь берет – ну какое дело, кажется, добродушным мадьярам до наших внутренних разборок? Не говоря уж о регулярных перепечатках разных «Монд» и «Фигаро», ежечасно распинающих Россию за приведение в чувство деятелей с НТВ... Прямо такое впечатление, что без «свободы слова» в России средний венгр уже и гуляш есть не в состоянии! Одно радует – подавляющее большинство сидельцев этой тюрьмы репрессии, обрушившиеся на НТВ, воспринимают исключительно с антисемитской (господствующей, надо сказать, в подобных местах мадьярского королевства – для Одиссея сегедское узилище было уже четвертым, и в каждом слова «еврей» и «враг венгерского народа» были для арестантов абсолютно естественными синонимами) точки зрения – и тихо радуются, что хотя бы одного еврея, но все же придушили. Хотя, по ходу, мнение своего народа венгерским верховодам до лампочки – у них другие ориентиры... И то, что весь мадьярский истеблишмент (уж какой он у них тут есть) с пеной у рта и яростным рвением включился в травлю его страны – порождало у Одиссея очень и очень нехорошие мысли. Ребятишек направляют, целенаправленно и злонамеренно – это было очевидно. Зачем? Цель понятная – дабы создать в Восточной Европе мощное антирусское силовое поле; а уж куда потом направить эту скопившуюся негативную энергию – хозяева этих чудаков решат в час икс... Мда-а-а, сидеть в это время без дела – пусть даже отсидевший срок – было выше его сил. Ему нужно было домой! Как можно быстрее!

Вот только захватить по дороге в Берлин...

* * *

– Знаешь, Левченко, ты меня иногда серьезно удивляешь. Неужели ты думаешь, что хотя бы кого-нибудь из этих глашатаев демократических свобод на самом деле беспокоит судьба разных второстепенных персонажей – типа журналистов? Которые, как ты тут заявил, имеют какой-то политический вес? Да насрать западным хозяевам на судьбу всех этих парфеновых и сорокиных с высокой колокольни! Дурак Кисель-старший пыжится, строит из себя политического деятеля, на переговоры с Гусём летает – и не понимает, клоун, что в этом деле он всего лишь статист, болван в польском преферансе. Что он там вещает? Не пойдёт на переговоры с Йорданом? Да и хрен на него положат! Его дело бучу месить, ил со дна подымать – а не политической заниматься... Остальные понимают, что от них требуется – и отработывают заказ, в меру своих способностей. Смотри, как вся эта шайка-лейка дружно всполошилась, когда лавочку

Гуся поприжали – тут и маразматик Ковалёв что-то там о возвращении советской цензуры ляпнул, и Сагалаев отметился, и даже Береза из лондонского далека посоветовал президенту покаяться – улавливаешь ход событий? И в этой катавасии журналюшки – так, мелочь на раз-мен, даже меньше, чем пешки; их никто всерьёз не воспринимает, кроме них самих – и посему разные бредни о политическом значении той или иной говорящей головы забудь! Нет у них политического значения, не было и никогда не будет – ни у нас, ни у тех, кто играет за черных. Они всегда – инструмент; как хозяин решит его использовать – так он и будет работать. Сегодня у хозяина всех этих ковалевых-киселевых-юшенковых-шендеровичей задача простая, как грабли – не дать нам купировать на российском информационном поле – заметить, не ликвидировать вовсе, а всего лишь ввести в рамки! – заведомо прозападные инструменты влияния. По ходу пьесы, это у них не шибко получается – и посему советую я тебе, друг любезный Дмитрий Евгеньевич, подумать, что наши задушевные друзья с того берега зачнут делать завтра. Вот это и есть твоя задача – предугадать грядущие ходы тех, кто играет за чёрных. А про НТВ ты можешь забыть – его эти питерские ребятишки сжуют и не поморщатся.

В кабинете генерала Калюжного в этот солнечный апрельский день было жарковато, несмотря на то, что одно из окон было приоткрыто, и как-то по-летнему светло. Подполковник Левченко, прослушав генеральский монолог, упрямо покачал головой.

– Но ведь какие-то ресурсы тот же Киселев может привлечь? Здесь, на месте? А с деньгами и хотя бы минимальными медийными возможностями – он еще очень и очень может побороться...

Генерал сердито нахмурил брови.

– Не носи ахинеи. Понятно, что с деньгами и ты можешь в политики податься... до первых выборов. Не решают сегодня деньги, вот в чём гвоздь программы-то! У всей этой своры либерал-реформаторов нет сегодня идеи, за которой народ бы потянулся – не девяносто первый год, чай... Хлебнули людишки гайдаровско-чубайсовского счастья, теперь их от голого либерализма воротит ого-го как!

Левченко встрепенулся.

– Так ведь нынешние наши вожди... они ж тоже из той же шинели? У Собчака нелибералы и дня бы не проработали...

Генерал махнул рукой.

– Это понятно. Либералы они, конечно, либералы, я с тобой не спорю – но другие либералы. Если прежние были – всеразрушители – то эти пока что больше на строителей машут, в патриотов рядятся. Я, конечно, особых иллюзий относительно нынешних кремлевских квартирантов не строю, но всё ж мне лично намного больше по сердцу эти, питерские, чем Немцов с Гайдаром да Хакамадой... век бы их не видеть! Впрочем, это всё лирика. Наше с тобой дело какое?

Левченко улыбнулся.

– Супостата упреждать и ему противоборствовать.

Генерал кивнул.

– Вот-вот. Нам до внутренних разборок – поскольку-постольку есть дело; главная наша задача, которую еще незабвенной памяти Юрий Владимирович поставил – ограждать Отечество на дальних рубежах. Либеральное оно, коммунистическое, или там националистическое – да хоть фашистское! – дело десятое, нас с тобой вся эта политическая мешанина не должна с панталыку сбивать. Нам важно что? Территориальную целостность, независимость и суверенитет государства оберегать по мере наших сил, и теми способами, какие мы сочтём нужными – для чего нам соответствующие инструменты в руки и дадены. Кстати, что насчёт инструментов? Ты подготовил по Польше варианты работы?

Левченко встал, чтобы доложить – но после жеста генерала снова сел и, открыв папку, мирно до того лежащую на столе, бегло начал докладывать, изредка заглядывая в листочки, хранящиеся в вышеуказанной папке:

– Анджей сообщает – ему удалось близко пообщаться с четырьмя неформальными руководителями польского крестьянского союза «Самооборона», хорошо знающих Леппера. В среде восточнопольского крестьянства сейчас очень сильны анти-правительственные настроения – тут и разрешение ввоза в Польшу европейской дотационной свинины, и фактический запрет – посредством высоких пошлин – на экспорт яблок, лука, капусты и моркови на Восток. Сейчас Люблинское воеводство – пороховая бочка. Хлебовский запрашивает нашего согласия на небольшую революцию. Обещает, что беспорядки могут охватить до трети территории страны, а может быть – приведут к падению кабинета. Просит полтора миллиона. Может быть, стоит провести учебную тревогу?

Генерал поморщился.

– Не стоит. И не в полутора миллионах тут дело, полтора миллиона – деньги небольшие... Рано нам пока Польшу тревожить! Они еще весь свой антирусский запал не изжили, еще не все обиды вспомнили. Надо подождать еще года два-три, пока их национализм дойдет до крайнего упора.

– Маятник? – Левченко вопросительно посмотрел на шефа.

– Он. Понимаешь, в чём тут весь фокус? Мы в своё время пружину сжали до самого не балуйся – и антирусские настроения в толще народа этим довели почти что до истерики. Если тебе миллион раз на дню будут говорить, что поляки – лучшие люди на земле – ты как на это, в конце концов, отреагируешь? Правильно, возненавидишь их со всем пылом души. Так и поляки – мы слишком долго тупо прессовали их своим догматизмом, своим дурацким социализмом-коммунизмом – в который, заметь, и сами-то не особо верили – слишком долго заставляли их считать себя пупом земли. В восемьдесят девятом ПОРП просрала выборы «Солидарности» в том числе и поэтому – поляки считали польских коммунистов за московских марионеток, начисто отказывая им в политической самостоятельности.

А сейчас ситуация развивается с точностью до наоборот. Сейчас в Польше все политические силы, какую ни возьми – старательно разыгрывают антирусскую карту, в чём им изрядно помогают настоящие хозяева Польши, те, что дёргают за верёвочки из-за далёкого моря. Чем яростнее у той или иной партии ненависть к русским – тем больше у нее шансов провести своих людей в Сейм. Одна «Самооборона» Леппера вроде бы в эту игру не играет – что ж, возьмем это дело на заметку. Но в целом антирусские настроения в Польше сейчас сильны – хотя, как мне тут докладывал Загородний, уже совсем не в том градусе, что были, скажем, в восемьдесят девятом. Сейчас бы они памятник Коневу в Кракове не стали бы сносить... Наши заклятые друзья с той стороны этой черты польского характера не понимают – и продолжают подзуживать всякого рода польских политиков на антирусские выпады. Думают, что таким образом создадут серьезный фундамент польско-русской вражды. А что будет в результате? Как ты думаешь?

Левченко улыбнулся.

– В результате наши танки в Варшаве и Торуни будут встречать цветами.

Калюжный кивнул.

– Так точно. Нам сейчас в этой стране важно искать людей – как можно больше. Революции нам там пока не нужны – в очень недалеком времени маятник дойдёт до крайней точки и сам отыграет назад; наше дело только этот момент не проворонить. Для чего пушай Хлебовский с Анджеем по максимуму увеличат свою активность, пусть ищут людей с головой. Мы почему в Привислянском крае имеем реальные преференции перед теми, кто играет за чёрных? Потому что они отбирают людей по комплексу отрицательных черт – как, кстати, и у нас, в нашем богоспасаемом Отечестве – а мы наоборот. А добро на земле, как ты знаешь, пока

еще чуточку сильнее зла... Так нашим польским ребятам и сообщи. На отбор людей денег не жалеть! В день М у нас там каждый штык будет на счету... Ладно, с этим ясно. Что насчёт наших сидельцев?

Левченко грустно вздохнул.

– Пока – никак. Артаксеркс пока отлеживает бока в следственной; начудили они всё же тогда с грузом из Варны, оставили улики на три хороших уголовных дела. Светит десятка. Работаем, конечно, с адвокатами, но пока безрезультатно; десятку не десятку, но, скорее всего, свой пятерик он получит. Придётся его потом из тюрьмы уже доставать. Вервольф – который проходил по делу Райнера Руппа, помните, который сливал для Первого Главного Управления чуть ли не все секреты НАТО – тоже пока сидит, но тут у нас всё гораздо веселей. Суд Дюссельдорфа, какой его в девяносто четвертом осудил – принял решение о сокращении срока до семи лет, так что в августе Вервольф выйдет; это нам обошлось в сорок тысяч долларов. Ну и Одиссей...

– А что Одиссей? – генерал внимательно посмотрел на своего заместителя.

Левченко тяжело вздохнул и опустил глаза.

– Глухо пока. Адвокаты – оба – стремятся нелегального выхода, всё пытаются найти варианты смягчения наказания в, так сказать, правовом поле. Но, видно, пока не проханже.

– А ты лично что думаешь? Ты, как его командир, какой его на это дело послал?

Левченко вскинул голову.

– Лично я считаю – пора переходить к неконституционным формам деятельности. Я попросил Володю Терского ежемесячно информировать нашу Пенелопу о состоянии дел её террориста – и каждый раз кто-нибудь из его ребят еле-еле уговаривает её не ехать в Сегед. Да и парень наш, по докладам Ласло Домбаи, заскучал. Время его из заточения изымать, а то, глядишь, его ненаглядная Герда, наплевав на все наши уговоры, бросится лично любимого из застенков доставать.

Генерал удовлетворенно кивнул.

– Ей там сейчас делать нечего. Нет у неё легенды для такого посещения, а, стало быть – сгорит, как швед под Полтавой, и страннику своему ни на понюх табаку не поможет; а нашему мальцу она живая-здоровая и благополучная нужна, правильно? У её какая легенда была в мае позапрошлого года, когда она с нашим фигурантом в больничке повидалась?

Левченко улыбнулся.

– А ей легенда и не нужна была. Та труба, на которой Одиссей соло исполнил – по бумагам в гэдэровских арсеналах должна была обретаться. И надо же тут такому случится – именно её, вместе с полусотней её подружек, немецкие любители балканских войн отправили ребятам Франьо Туджмана – аккурат в девяносто втором! Так что наша девочка тогда в Будапеште была исключительно по делу – искала возможности как-то обрезать немецкие уши, какие из этой истории вдруг, помимо нашей воли, стали торчать.

– Ну и что ж, нашла? – Генерал улыбнулся.

– А головорезы Туджмана от всего откристились. Не мы, дескать, ни о чём таком не знаем, и вообще – жили честно-благородно, ни о каких зенитных комплексах слухом не слыхивали; видно, хорваты эту трубу на Ближний Восток вдули – или еще куда, где нужда в таких изделиях и по сей час велика есть. Так что у американцев по этому случаю появился ещё один зуб на БНД в частности и на руководство Дойчланда в целом.

Калюжный похлопал подполковника по плечу.

– Это хорошо. Это, я тебе скажу, вообще отлично! Ладно, что ты там говорил насчет антиконституционных форм работы? – При этих словах у Калюжного не по-генеральски молодо и задорно заблестели глаза.

Левченко хитровато взглянул на шефа.

– Есть одна задумка. У Кальмана Лошонци, кроме того психиатра, какой Одиссею бумагу о состоянии аффекта подписывал – еще один однокурсник-медик есть. Ну, то есть они учились на разных факультетах, но в одном университете – университете Этвёша, и в одно время, втроём и квартиру снимали все вместе, на паях. Зовут того медицинского спеца Балинт Баллаши. Кстати, полный однофамилец какого-то жутко знаменитого венгра. Так вот, он Балинт нонче – ведущий специалист по болезням желудка, работает в Будапеште, и по сходной цене консультирует раз в месяц в тюремной больнице мадьярской столицы сложные случаи. Дюла, подлец, не хочет сам переступить границу закона, но нам в этом деле готов оказать содействие. Надо, чтобы Янош Фекете уговорил одного Балинта найти у нашего фигуранта какую-нибудь жуткую внутреннюю болезнь, с которой тот сможет недельку-другую в тюремной больнице прокантоваться, пока Янчи побег ему подготовит. Режим там не в пример мягче, и выходят окна гастроэнтеро... чёрт, не произнести! В общем, желудочного отделения аккуратно на улицу Атиллы Йожефа. Находятся палаты желудочных больных на третьем этаже, где решеток нет – муниципалитет велел снять, поскольку портят вид города.

– И наши действия? – генерал нетерпеливо постукивал по столешнице зажигалкой.

– Янош тёмной ночью подгоняет под окна тюремной больницы грузовик с картонными коробками. Район тихий, ночью там никто особо не шляется. Наш смертельно больной террорист сигает с третьего этажа в кузов, а затем Янош его увозит в Словакию – ежели наш фигурант совершит свой прыжок сразу после полуночи, то к трем они уже будут на границе. Обход дежурным вертухаем палат с заключенными ночью происходит с периодичностью в четыре часа – в полночь и в четыре утра – таким образом, Янчи должен успеть до четырех перебросить нашего парня через словацкий рубеж. От Будапешта до КПП Парашшапушта где-то сто сорок километров, должны уложиться.

– А на границе?

Левченко пренебрежительно махнул рукой.

– А, граница – это чистая формальность. Обмен между Венгрией и Словакией безвизовый, машины проверяют редко, частенько и паспорта не проверяют. Пограничных войск нет – посему наш парень за километра полтора до черты слезет, пройдет пешочком по горам, проволочный забор, что Венгрию от Словакии ограждает, перелезет – для чего Янош его соответствующим инструментом снабдит – и где-нибудь в заранее оговоренном пункте снова Яношу на борт заберется. То же самое – на словацко-польской границе.

Калюжный задумался.

– Хм, предположим... Ладно, до момента появления нашего мальчонки на польской территории у тебя всё вроде бы ладно. А дальше? Через Буг вплавь? И сдать белорусским пограничникам? Чтобы они его потом выдали венгерским властям, как беглого преступника? Или примемся Одиссея из брестского изолятора доставать – и засветимся на всю ивановскую?

Левченко улыбнулся.

– Максим Владимирович, ну зачем же так грубо? Вы ж не забываете, у нас тут есть туз в рукаве – Тетрис и его ребята.

– А как они-то Одиссея перевезут через границу? Это ж живой человек, а не мешок яблок? Или чем они там промышляют?

– А это они решат на месте. Но я в них уверен; еще не было случая, чтобы эти пацаны подводили...

Генерал вздохнул с лёгким сомнением, а затем произнёс:

– Лады. Стало быть, по Польше ты задачу понял, по Одиссею я переброску санкционирую. Действуй! Когда, по твоим прикидкам, он может быть здесь?

Подполковник на минуту задумался, затем ответил решительно:

– Я ему в ближайшие три дня сделаю паспорт – из тех, что есть в наличии, молдавский или украинский, придется ему после побега сменить фамилию и гражданство – и одновре-

менно дам команду нашим мадьярским коллегам ввести в действие план Б; где-то неделя уйдёт на подготовку перемещения нашего парня в Будапешт, еще дня три – на подготовку его отхода. Затем сутки на поездку до Кракова, еще пару дней нужно будет Тетрису, чтобы как-то перебросить Одиссея в любезное Отечество. Итого – две недели.

Генерал ворчливо произнес:

– Экий ты скорый... Две недели! Ладно, действуй. Где потом думаешь Одиссея использовать?

Левченко покачал головой.

– Не буду загадывать. Сначала нам его надо оттуда достать, а уж потом решим, как, где, и в каком виде он нам будет нужен. А что будет нужен – в этом я несколько не сомневаюсь!

* * *

В это время года в Измайловском парке еще было тихо и покойно – время летнего отдыха москвичей «на природе» (а некоторые уголки этого парка вполне можно было бы отнести к этому почетному наименованию) еще не наступило, многочисленные шашлычные и распивочные заведения еще не начали свою активную работу; по дорожкам и аллеям прогуливались лишь редкие влюбленные парочки, бродили собаководы со своими ручными живыми орудиями человекоубийства (самыми популярными породами Измайловского парка были стаффордширские терьеры и разных окрасов свиноподобные бультерьеры), да иногда пробегали трусцой любители здорового образа жизни – главным образом, поджарые старички в трусах, прельщая сидящих на лавочках редких старух клоками седых волос на костистой груди. Не видно было пока в Измайлово даже вездесущих московских бомжей – ибо ловить им тут пока было нечего, самая жатва для них начнется летом, когда многочисленные компании всерьез и надолго оккупируют все более-менее уютные уголки парка; пока же бродяги промышленляют поближе к цивилизации, и своим антисоциальным обликом не уродуют зрелища просыпающейся природы.

Парк еще не зажил полнокровной жизнью – но всё же парочка мужчин возрастом около сорока, мирно прогуливавшихся по аллеям вблизи одноименной станции метро, внимания редких еще посетителей не привлекала. Мало ли о чём нужно поговорить двум взрослым мужчинам вдали от городского шума?

А разговор у мужчин (если бы кто-нибудь смог его подслушать) был и впрямь о делах серьезных и чужому уху малопонятных.

Один из них, одетый скромно, неброско – но, при внимательном рассмотрении, весьма дорого – производил впечатление средней руки банковского клерка – но банка серьезного, солидного, не какой-нибудь дешевой конторы по обналу, а как минимум – филиала «Дрезднер-банка» или «Мерил Линч». Говорил он по-русски с той степенью старательности, которая немедля выдавала в нём англосакса, долго прожившего в России, досконально выучившего язык – но так и не избавившегося от извечной британской каши во рту.

Второй гуляющий, наоборот, внешне был полной противоположностью своему собеседнику – одет броско, пожалуй, даже немного вызывающе, стильно до умопомрачения; но, взглядевшись попристальнее в его экипировку, можно было обнаружить, что его «Джованни Фаброни», «Прада» и «Артиоли» вряд ли понимают итальянскую речь; скорее уж, для них был значительно ближе и роднее кантонский диалект самого распространённого языка в мире... Да и манера общения этого мужчины, в первые секунды вызывающая у любого случайного прохожего мгновенное подсознательное неприятие, через несколько минут рождала у этого же прохожего понимающую ухмылку – ибо безусловно относила этого денди в разряд лиц с нетрадиционной, как сейчас принято говорить, сексуальной ориентацией.

Клерк говорил тихо, неторопливо – старательно взвешивая каждое слово; денди отвечал порывисто, эмоционально; стороннему наблюдателю, который бы взялся рассматривать эту

парочку на протяжении всей из беседы, единственное, что пришло бы на ум – это вопрос: «Что может быть общего у таких внешне абсолютно несхожих людей?»

Тем не менее – общий интерес у них был, и весьма серьезный – причём для обеих сторон.

– Вот что, любезный Вениамин Аркадьевич, я вам хочу сказать. Я не намерен оплачивать ваши кутежи и оргии весьма... хм... – Клерк поморщился: – сомнительного свойства. Я готов выплатить вам авансом определенную сумму – но для этого вы должны проделать для меня определенную работу.

Денди, названный клерком «Вениамином Аркадьевичем», немедля вспыхнул:

– Кутежи?! Вы эти жалкие посиделки называете кутежами? Да видели ли вы вообще кутежи! Вот, помнитесь, когда я работал с Михалковым в Италии...

Но насупившийся клерк перебил своего собеседника:

– Вы прекрасно знаете, что я знаю, что ни в какой Италии вы ни с каким Михалковым не работали. Вы намерены выслушать мои предложения?

Денди увял и даже как-то стал ниже ростом.

– Да, извольте... Впрочем, Спиро, я лично не вижу ничего плохого в блестящих экспромтах. В конце концов, я ведь мог работать у Михалкова? Впрочем, извините... Так что у вас за дело?

– Вы знаете что-нибудь о проблемах экосистемы Каспийского моря?

Денди изумлённо воззрился на своего собеседника.

– Спиро, дружище, вы о чём? Да я даже на карте это море не сразу найду!

Клерк удовлетворенно кивнул.

– Я так и думал. Но это не имеет значения. С двадцать четвертого по двадцать шестое апреля в Баку пройдет семинар, посвященный проблеме внедрения в Каспий гребневика – мнемииопсиса.

– Кого? Гребневика? Вы шутите, милейший Спиро?

– Именно гребневика. И я не шучу. Жаль, что вы не в курсе, но широкомасштабное развитие этого ужасного мнемииопсиса в Каспийском море может оказать катастрофическое воздействие на всю биосферу этого моря. В первую очередь, биологическая вспышка нового вселенца может решительно изменить видовой состав и биомассу мезопланктона. А затем может последовать катастрофическое уменьшение численности кильки, главного промыслового вида Каспия. Учтите, в Каспии – большой процент эндемиков, то есть видов, живущих там и нигде больше. Посему последствия вселения мнемииопсиса могут быть таковы, что биологическому разнообразию Каспия придётся столкнуться с серьезной опасностью.

Денди покачал головой.

– Спиро, к чему вы всё это мне говорите? Что за научный бред? Какое отношение моя газета может иметь к этим делам? Вы же знаете, наше дело – жизнь звезд, скандалы, разводы... Какое дело нашим читателям до какого-то гребня?

– Гребневика. – Невозмутимо поправил своего собеседника клерк. – Ваше дело, уважаемый Вениамин Аркадьевич, сделать проблему гребневика на Каспии такой же злободневной, как и проблему пренебрежения нижним бельем ваших эстрадных звезд. И в Баку я вам настоятельно рекомендую отправиться завтра же. Далее, – невозмутимо продолжил клерк, сделав вид, что не заметил, что его партнер готов вот-вот разразиться возмущенными тирадами. – Вы заинтересуете этой проблемой еще шесть-семь газет, создадите общественный интерес к проблемам экологии Каспия. Деньги на это я выдам, не тревожьтесь. Причём нам интересен район северного побережья Азербайджана, у посёлков Ялама и Хачмаз. Если вы не в курсе – это в четырех и десяти километрах от российской границы, рядом с переходом Тагиркент-Казмаляр – Ханоба.

Денди в отчаянии стал заламывать руки.

– Боже, Спиро, но зачем всё это? Азербайджанцы, море, переходы... Какие-то жуткие названия... Азиатчина! Вы же знаете, что я без московской атмосферы мгновенно зачахну!

Клерк, казалось, не обращал никакого внимания на стенания своего собеседника.

– Далее. Приблизительно к началу июля вы должны будете обеспечить появление в районе станции Ялама съемочной группы любого федерального телеканала – лучше, конечно, из числа более-менее уважаемых и смотримых. Деньги на это я тоже выделю, отдельно. И прекратите ваши идиотские стенания! Вы на меня работаете, и я плачу вам немаленькую зарплату, милейший Вениамин Аркадьевич! – И клерк с нешуточным раздражением взглянул на денди. Тот мгновенно изобразил на лице покаянное внимание.

– Так-то лучше. – Проворчал клерк. А затем продолжил: – Так вот, нам надо, чтобы десятого – одиннадцатого июля в районе погранперехода Тагиркент-Казмаляр – Ханоба находилось как минимум трое, не считая вас, представителей периодической печати – разумеется, центральной – и хотя бы одна съемочная группа телевидения. А лучше две. Вам задача ясна?

Денди кивнул головой, а затем, виновато улыбнувшись, спросил:

– А сколько денег вы намерены вложить в этот проект?

Клерк впервые за время беседы едва заметно улыбнулся.

– Достаточно. За каждого корреспондента, в указанное время предоставленного вами в указанном месте – я заплачу лично вам десять тысяч долларов, плюс десять тысяч – этому корреспонденту. За съемочную группу телевидения я выдам вам пятьдесят тысяч – из которых не смейте брать более десяти! О готовности сообщите из Яламы или Дербента восьмого. И вот еще...

Денди опять изобразил почтительное внимание.

– У вас есть выход... посредством вашей сексуальной... хм... странности – на некоторых влиятельных людей из «Лукойла». Так?

Вениамин Аркадьевич надменно взглянул на своего собеседника.

– Положим, это вас не касается!

– Ещё как касается, милейший Вениамин Аркадьевич! Нам бы хотелось, чтобы ваш друг – один из руководителей известного вам телеканала, имеющего прямое отношение к медиа-империи уважаемого господина Алекперова – в это же время находился бы в Азербайджане, вместе с вами. Например, ему могли бы быть интересны планы азербайджанской государственной компании и компании АМОКО относительно использования месторождения «Шахдениз» – там в это время как раз будет решаться вопрос о транспортировке газа с этого месторождения в Турцию. Так вот, если известный вам деятель с известного вам канала вдруг в указанный срок тоже окажется вместе с вами на погранпереходе Ханоба – вы получите премию в размере двадцати тысяч долларов. Вам всё ясно?

Денди склонил голову.

Клерк похлопал его по плечу.

– Любезнейший Вениамин Аркадьевич, вы даже не представляете, какую звезду медиарынка я из вас сделаю утром двенадцатого июля! Вы дадите такой репортаж, который вам никогда и не снился! Это будет такая информационная бомба, по сравнению с которой убийство Кеннеди – лишь жалкий спектакль школьников младших классов! Я вам по-хорошему завидую – ваше имя в этот день узнает весь мир, вы сообщите человечеству новость, которая изменит весь миропорядок на ближайшие двадцать лет – как минимум! Не надо, не благодарите меня – это всего лишь моя работа... Пойдемте, я во-о-он на той лавочке выдам вам аванс...

* * *

События последних двух суток изрядно озадачили Одиссея. Хотя бы кто-нибудь что-нибудь ему объяснил! Нет, как назло, адвокат строил из себя Джеймса Бонда – недомолвки,

многозначительные умолчания... Блин, этого Лайоша Домбаи самого бы загнать за kraty и посмотреть, что бы он стал делать в такой ситуации!

Сначала этот бывший офицер связи, придя на внеплановое свидание (под предлогом подачи очередной апелляции; вообще-то обычно Лаци просто передавал ему через канцелярию очередную передачку вкупе с разными полезными мелочами типа мыла или бритвенных лезвий – а тут такой коленкор!), незаметно сунул ему в руку какой-то пакетик, и, сделав страшно таинственное лицо, сказал:

– Принимай эти капсулы каждые три часа. Перед выходом из адвокатской комнаты проглоти первую, и в течение получаса пожалуйся на острые боли в желудке. Ты сможешь симитировать жуткую резь в животе, со слезами на глазах?

Блин, Лаци его что, за Майкла Дугласа держит? Хотя...

– Попробую.

– Отлично. Я позвоню заместителю начальника тюрьмы, сообщу, что ты на свидании жаловался на проблемы с желудком – и спрошу, как твоё здоровье. Я адвокат – то бишь, ссориться со мной не в их интересах. Тебя отправят в санитарный блок, там на все вопросы врача – или фельдшера, кто там окажется – ты будешь отвечать, что у тебя бешеная боль в животе. Слезы обязательны! Тебя отправят на обследование, которое покажет потемнение в области желудка; по внешним признакам оно будет сходно с прободной язвой. Тебя попросят поднатужиться и выдать для анализа немного того субстрата, что именуется калом. Постарайся выполнить эту просьбу, но в полученный анализ в туалете выдави пару капелек крови – для чего проколи палец. Сможешь?

Одиссей молча кивнул согласно.

Лайош удовлетворенно качнул головой:

– Специального доктора здесь нет, вызовут из города. Это займет часа три-четыре. Изыщи за время ожидания момент, чтобы проглотить очередную капсулу! Городской врач определит примерно то же, что и местный – но, ввиду того, что пятно, скорее всего, сместится – ведь шарик будет новым – они проведут консилиум и придут к выводу, что случай сложный и что тебя надо отправить в Будапешт. Скорее всего, завтра к вечеру ты окажешься в тюремной больнице на улице Йожеф Атилла.

Одиссей опять кивнул. Хотя, что он в этой больнице не видел? Ладно, господину Домбаи виднее...

Лайош продолжил:

– Завтра же вечером или послезавтра утром тебя навестит Янош Фекете. Ты поступаешь под его руководство, и что делать дальше – он тебе расскажет. Ну, все, глотай капсулу.... Да не бойся, это просто желатин со специальным наполнителем! Абсолютно безопасен!

Одиссей, достав из пакетика круглый шарик, не без труда (воды великий конспиратор и почётный Джеймс Бонд венгерского королевства, блин, не догадался принести с собой!) проглотил его.

Лайош удовлетворенно кивнул, а затем, похлопав его по плечу, сказал со странным выражением лица:

– Удачной охоты!

Одиссей вопросительно глянул на своего адвоката. О чём это он? Или...

– Я что ж, сюда уже больше не вернусь?

Лайош таинственно улыбнулся, но ничего не ответил – лишь на прощание крепко пожал ему руку.

В общем, дальше всё произошло почти так, как расписал бывший офицер связи – за исключением маленького нюанса: в Будапешт его было решено отправить в этот же день – гастроэнтеролог, вызванный из города, авторитетно заявил, что данная прободная язва – результат коварной венгерской острой пиши, и у арестанта есть шанс не выйти живым из-за

решетки, если тюремное начальство будет медлить. Или он впрямь был такой немислимый гуманист и мать Тереза в штанах, или тут сыграли роль пиастры Лайоша Домбаи – сие осталось для Одиссея покрытым мраком неизвестности.

В Будапешт он был отправлен на тюремном микроавтобусе в компании двух добродушных охранников, не считая шофёра; надо сказать, сторожа ему попались заботливые. Ребята время от времени интересовались его самочувствием, на заправках покупали запотевшую, прямо из холодильника, минеральную воду без газа и старательно ею его поили – в общем, всячески демонстрировали заботу о тяжело больном преступнике. Правда, иногда Одиссей улавливал во взглядах, которыми между собой обменивались вертухай, неявно выраженное сочувствие к человеку, очень скоро предстанущему перед апостолом Петром, и пару раз поймал явно соболезнующее выражение лица шофёра – но это говорило лишь о мастерстве тюремного врача в области рекламы.

Когда охранники сдали его в Будапеште коллегам – в их прощальных взглядах Одиссей явно увидел неверие в то, что когда-нибудь они еще встретят его в мире живых. Ну что ж, как говорится, дай-то Бог!

Корпус, куда поместили Одиссея, приготовил ему сюрприз – и ещё какой сюрприз! Окна третьего этажа, в каком располагалось желудочно-кишечное отделение, бесконечно радовали глаз отсутствием решеток. Вот в этот момент Одиссей задумался основательно. Хм... А, пожалуй, похоже, эти ребятки что-то приготовили всерьез! Ладно, подождём Яноша – может, он все разложит по полочкам.

Лайош не объяснил, как ему себя вести в столичном тюремном госпитале – посему Одиссей решил продолжать корчить из себя смертельно больного: стонал, хватался за живот, в общем – старательно демонстрировал полное отсутствие шансов на поправку.

Впрочем, ни на кого из здешнего персонала он впечатления этими своими вздохами и ужимками не произвел – его разместили в угловой комнатухе на четыре персоны (заняты были только две кровати, причем их хозяев в обозримой перспективе не наблюдалось; скорее всего, болящие его сокамерники были на процедурах), вкололи успокаивающее – и оставили наедине со своими мыслями. Столичных медиков мудрено было удивить видом умирающего от язвы – тут, по ходу, и не такое видывали.

Хм, однако... Решеток на окнах его палаты, опять-таки, не было, и за стеклом можно было совершенно беспрепятственно видеть тихую будапештскую улочку, засаженную столетними каштанами, которую от Одиссея ограждали лишь два стекла оконного переплёта. Хотя откуда столетними? Им тут от силы лет пятьдесят-шестьдесят, не больше; зимой сорок пятого здесь такие бои шли – ого-го! Тогда ни русским, штурмующим Будапешт, ни немцам и мадьярам, его защищавшим – было не до сохранения экологии венгерской столицы; тем более не до сбереженья деревьев было миллионному мирному населению, попавшему под раздачу с обеих сторон, как кур в ошип, и три месяца не имевшему ни еды, ни топлива для обогрева своих жилищ. Так что вряд ли эти каштаны тут с довоенных времен. Что, впрочем, несколько не умаляло тихой красоты этой улочки, – которая ему понравилась сразу и без остатка. Эх, погулять бы под этими каштанами с Герди!

В этот момент Одиссей почувствовал тупую ноющую боль в груди; пожалуй, зря он так усердствовал со стонами и хрипами, забыл, что у него три хотя и заживших, но всё ж таки пулевых... Пожалуй, стоит позвать медсестру.

Но вместо медсестры на его хриплый зов явился охранник – который, скорее всего, тут, возле торцевого окошка коридора, и устроил себе временное место дислокации. Вступать с ним в медицинские разговоры Одиссей не стал, решив, что боль помалу и сама уляжется – и здорово ошибся; ночь ему пришлось проваляться без сна, слушая жизнерадостный храп вернувшихся с процедур сокамерников, и постоянно прислушиваясь к неприятным хрипам в лёгких. Вот чёрт! Говорила ж ему бабушка – не гневи Бога! Никогда не прикидывайся больным –

потому как тогда боль, настоящая, подлинная – тебя сама найдёт. Жаль, что бабушка господина адвоката Домбаи такого ему в детстве не рассказывала...

В общем, к утру, когда за ним прибыла парочка дюжих санитаров, чтобы вести на обследование – вид у него и впрямь был, как у умирающего; можно было специально и не стараться. Едва-едва успел он перед отправкой на свою персональную Голгофу проглотить магическую капсулу Лайоша Домбаи – как тут же его под руки поволокли в смотровую; причем здешние санитары того местечкового пиетета к безнадежно больному, стоящему на краю разверстой могилы, каковой продемонстрировали провинциальные сегедские полицаи – отнюдь не испытывали; Одиссей решил, что нравы и обычаи здесь, скорее, напоминали тюремную больницу Австро-Венгерской империи, в каковой бравого солдата Швейка излечивали от ревматизма – то бишь, каждый больной априори считался симулянтом, и дело чести врачей было – его в этом постыдном симулировании уличить.

Последующие три часа запомнились Одиссею как непрерывная череда просвечиваний, прослушиваний, глубокомысленных замечаний по-латыни, по-венгерски и по-русски (когда больного спрашивали о симптоматике), выпиской целой груды каких-то бумажек – и, в заключение, разговором тет-а-тет с желудочным обер-профессором, который был тут за главного, и замечания которого все остальные люди в белых халатах (хотя вернее было бы сказать «в салатových» – но из песни, как говорится, слова не выкинешь; раз положено в каноническом творении советских композиторов врачам быть в белом – стало быть, в белом) воспринимали примерно как первые христиане – откровения Иоанна Богослова.

Обер-профессор был краток – или из-за нехватки времени, или из-за нежелания демонстрировать свою слабость в русском языке; но в целом Одиссей остался речью эскулапа доволен (хотя и несколько озадачен; это что ж, и здесь имеет место быть работа шелестящих бумажек – или герр Обер-профессор до такой степени слеп и бездарен? Дилемма, однако...). Ибо сказал тот дословно следующее:

– У вас тяжелая и сложная форма прободной язвы; мы вас будем в течение ближайших три недели лечить и вылечим. Может быть, сделаем операция; может быть, терапия будет достаточно. Это будет ясно завтра. Но вы обязан во всем следовать рекомендации лечащий врач. Никакого острого, никакого алкоголь, курить – нет. После обед вас навестит переводчик, вы ему сообщите сведения о своих прежних болезни. Так?

Одиссей в ответ молча кивнул.

– Jo! Mielobbi gyogyulast!¹ – бросил желудочный Обер-профессор, пожал ему руку и быстро свинтил по коридору, сопровождаемый сворой здешних медиков. Ну что ж, будем надеяться, что выздоровление действительно наступит в ближайшее время... Где ж Янош Фекете? Что он задумал?

* * *

Трое туристов из-за Буга, остановившиеся накануне в мотеле «Классик», что расположен в городке-спутнике Кракова Величке – своим поведением несколько озадачили персонал. Вместо того, чтобы, как все нормальные постояльцы, с утра пораньше впрыгнуть в маршрутку и убыть на осмотр достопримечательностей славного города Кракова (или, на худой конец, полезть в нутро самой известной соляной пещеры Восточной Европы, дабы насладится видами средневековых солеварен) – трое пышущих здоровьем молодых мужчин бесцельно просидели весь день в ресторане при мотеле, читая газеты, время от времени заказывая пиво, кофе или минеральную воду. Правда, необычные постояльцы заодно позавтракали, пообедали и поужинали – чем, в общем-то, еще более изумили местных должностных лиц – рецепторшу, бар-

¹ Хорошо! Скорейшего выздоровления!

меншу и официантку; обычно в их ресторане постояльцы не обедали, предпочитая столоваться либо в заведениях Кракова, либо в цукерне, расположенной выше по улице – там и цены были гораздо демократичнее, и выбор богаче, и порции побольше. Впрочем, персонал был обучен на странности своих гостей внимания не обращать; платят – значит, имеют полное право делать всё, что им заблагорассудится...

Туристы покинули ресторан лишь с закрытием, хозяйственно забрав с собой все три вдоль, поперёк и наперекрест уже прочитанные ими газеты – официантка, убравшая их столик, лишь хмыкнула над таким удивительным жлобством небедных, судя по оставленным чаевым, русских туристов. Впрочем, наев и напив за день на триста злотых – туристы эти всё же могли рассчитывать на определенное уважение персонала. Посему официантка одному из них, обернувшись на её хмыканье – дружелюбно и в меру соблазнительно улыбнулась. Получив в ответ совершенно определенное подмигивание, Малгожата (как звали официантку) в очередной раз убедилась в своей женской неотразимости – и с чистой совестью продолжила уборку ресторана.

– Стало быть, не приехал... Что будем делать завтра, Алекс? – один из туристов вопросительно взглянул на плотного парня лет тридцати, одетого, несмотря на довольно прохладное начало мая, в шорты цвета хаки.

Тот пожал плечами.

– Ждать. А хули ещё? Сказано – подойдёт сам, когда увидит три газеты на русском языке – значит, наше дело телячье, будем ждать, пока пассажир объявится. Мороз велел его по пустякам не беспокоить, а как можно быстрее доставить на ту сторону; наше дело не вопросы задавать, а ждать человека, который нуждается в нашей помощи.

– А долго ждать-то? – его собеседник не унимался.

– Блин, Лёша, а я откуда знаю? Сколько надо – столько и будем ждать. Командировочные у меня на пять дней на всех отпущены...

Третий их спутник спросил вполголоса:

– Алекс, а он, этот человек, что мы ждём – вообще кто?

Старший группы пожал плечами.

– Хрен его знает. Володя Мороз попросил ему помочь домой вернуться, у него проблемы с документами... да и вообще с правоохранителями. Сюда его довезут добрые люди, а отсюда он полностью на нашей совести. Вот и всё, чё мне Володя разъяснил. Так что, пацаны, будем его ждать до упора – пока не объявится!

У туриста, которого его товарищ назвал Лёшей, загорелись глаза.

– Так может, мы ... того? Завтра по Кракову пробежимся? А ты будешь его здесь один сторожить?

Алекс флегматично пожал плечами.

– Пробежись. Но за свой счет – я тебя, ввиду отсутствия на рабочем месте, кормить не буду.

Лёша сразу потух.

– Ну ладно, чего уж, и спросить нельзя? – А затем, обернувшись и еще раз подмигнув официантке, спросил: – Алекс, а в твоей командировочной ведомости барышни предусмотрены?

Тот понимающе улыбнулся, деловито осмотрел дружелюбную официантку – и, одобрительно хмыкнув в её сторону, обернулся к своему собеседнику и едва заметно кивнул:

– Предусмотрены. Два раза за время командировки по сто злотых.

Лёша тут же протянул руку.

– Давай!

Алекс, не торопясь, достал пухлый бумажник и, мгновение поколебавшись, выдал потенциальному Дон Жуану бумажку с изображением Владислава Ягайло, а затем, чуток подумав – еще и портрет Казимира Великого.

– Возьми сто пятьдесят; стыдно будет, если у кавалера вдруг в самый нужный момент денег не окажется.

– Замётано! Короче, пацаны, вы меня особо не ждите, на крайняк – я завтра к утру явлюсь. – У Лёши заблестели глаза, и, быстро пожав руки компаньонам, он решительно направился в сторону официантки.

Уже выйдя из ресторана, Алекс обернулся ко второму своему товарищу и спросил:

– Ну чё, Слава, может, прошвырнемся тут по злачным местам? Вон, Лёха решил всерьез заняться укреплением польско-белорусской дружбы... Чем мы хуже?

Но товарищ его отрицательно помахал головой.

– Не-а, чё то не тянет. Да и какие, блин, в этой Величке злачные места? Где местная гопота пиво жрёт? Так я таких забегаловок с такими пассажирами и в Бресте видывал достаточно. Не, я спать.

Но Алекс, очевидно, всё же решил по-своему.

– Как хочешь. А я всё же пройдусь чуток, воздухом подышу. Может быть, на какое-нибудь романтическое приключение нарвусь...

– На свою задницу. Саня, нам завтра с десяти утра твоего клиента пасти. Ежели ты сейчас где-нибудь нарвёшься на приключения – то, очень может быть, проснешься в постерунке². Оно тебе надо?

Но Алекс только махнул рукой на предостережения своего товарища.

– Да ладно, Слава, чё ты кипешишь? Тихий мирный городок, спокойный народ... Кто тут мне что сделает? Ладно, иди дрыхнуть, а я пробежусь по местным пияльням пива – в конце концов, я еще и половины польских сортов не перепробовал. Всё, адъёс!

В результате некоторого расхождения интересов вышеописанной троицы, рассвет следующего дня они встретили там, где каждый из них его встретить (может быть, на подсознательном уровне) и планировал: Лёха – в объятых дружелюбной Малгожаты (которая, к её чести, денег с кавалера не взяла – просто таскала его до трех утра по разным увеселительным заведениям, пока окончательно не обескровила его бюджет – и лишь затем великодушно предложила разделить с собой постель), Слава – в своей кровати в номере своего мотеля, Алекс же – как и предполагал склонный к осторожности его коллега – в полицейском участке, вместе с двумя поляками; вся трое преступников были задержаны в момент хулиганских действий – то бишь, в процессе снятия польского государственного стяга со здания местной власти. Причем, зачем эта троица пытались надругаться над святым для каждого трезвого поляка символом Речи Посполитой – ни один из арестованных внятно объяснить не сумел. Правда, Алекс в последнем прояснении сознания всё же попытался что-то промычать о бесчестном и подлом вступлении Польши в НАТО и предательстве властями Варшавы общеславянских интересов – но сей его пассаж услышан не был. Посему политическую подоплёку в хулиганстве гостя из-за Буга и двоих местных аборигенов, оным гостем напоенных до бесчувствия – решено было не искать. Впрочем, хулиганство это и так было оценено властью в лице полицейского хорунжего более чем внушительно – в сто восемьдесят злотых. После же уплаты вышеуказанного штрафа злодей и его подельники были великодушно выпущены на волю с отеческим внушением о вреде алкоголя вообще и настоятельным увещанием больше «жытнюю»³ с «живцем»⁴ ни в коем случае не мешать – в частности.

² Полицейский участок (польск)

³ Сорт местной водки

⁴ Сорт местного пива

В десять утра все трое давешних туристов – правда, с разных направлений – вошли в ресторан.

Слава критически оглядел своих изрядно помятых друзей – и, покачав головой, изрёк:

– Всем сётрам, блин, по серьгам. Кто что хотел – тот то и получил.

Невыспавшийся, но довольно улыбающийся Лёха тут же ему ответил:

– А зависть, Славун – очень плохое чувство!

– Чему ж тут завидовать? Ну ладно, ты еще время с толком провёл. А Санёк, похоже, всё же в ментовку попал, судя по запаху от его фрака.... Попал, признайся?

Алекс тяжело вздохнул и ответил хриплым, надорванным голосом:

– Не важно. Зато вечер прошёл – зашибись! Песни советские хором орали.... Ещё бы немного – и я бы тут устроил свержение правящей камарильи... жаль, инсургенты хлипковатые попались, на третьей бутылке сломались...

Они уселись за вчерашний столик, разложили газеты; тут же подлетевшей Малгожате Лёха, интимно улыбнувшись (и получив такую же улыбку в ответ) заказал завтрак – и, фамильярно хлопнув её по заднице, бросил товарищам:

– Теперь, пацаны, не дрейфьте – нас в этой забегаловке кормить будут, как хозяев заведения! Можно ждать нашего таинственного пассажира хоть до второго пришествия!

Слава скептически бросил:

– Ну, тебе, может быть, порцию и увеличат... а нам-то за что?

– А вам – за то, что вы мои друзья. – Тут Лёха, вдруг став серьезным и чуть понизив голос, добавил: – И кстати, вы тут поменьше по-русски трендите. Тут недалеко лагерь с чеченами беглыми расположен, они уже успели тут накуролесить, так что местные очень не любят, когда кто-то по-русски балаболит. И кстати, увидите хача, который будет по-нашему говорить – ни в коем случае с ним не заговаривайте; лучше уйдите в сторону. У нас тут сейчас другая задача, нам с заезжими чёрными резаться не резон. Вняли?

Алекс заинтересованно спросил:

– Откуда узнал?

Лёха улыбнулся:

– Малгоша доложила. Хозяйка мотеля типа хохлуха, но в Польше живёт уже давно; так заезжие джигиты попытались её на бабки развести, типа, крышу ей предложили. Та к мусорам, те, соответственно, в лагерь – в общем, тут полгода назад целая войнушка с чеченами произошла. Я думаю, не достать ли из сумок нам ножики? Так, на всякий случай?

Алекс отрицательно покачал головой.

– Не к чему. Мы здесь ненадолго. И беглые чехи здесь вряд ли особо буйные – им депортация в Россию на хрен не нужна. В крайнем случае, отмашемся вручную, здешние полиция к холодному оружию у туристов крайне скверно относятся.

Тут подошла Малгожата с их завтраком; Лёха не обманул, порции яичницы с беконом были заметно больше, чем вчера, кофе оказался не жиденькой коричневой жижкой, а напитком добротной, почти домашней, густоты, масло и сыр были свежими, со слезой. Компаньоны тут же принялись за еду, временно прекратив беседу.

Минут двадцать спустя, когда троицей уже был выпит кофе и съедены все булочки с джемом – в дверь ресторана вошёл среднего роста широкоплечий молодой мужчина лет тридцати трех – тридцати пяти – и, остановившись у входа, стал внимательно рассматривать обеденный зал.

Лёха, первым увидевший незнакомца в дверях – едва заметно толкнул под локоть Алекса. Тот чуть склонил голову, а затем, взяв в руки «Комсомолку» недельной давности – принялся тщательно изучать последнюю страницу с анекдотами и кроссвордом.

Вошедший в ресторан мужчина, увидев в руках означенных посетителей газеты с кириллицей на первой странице – решительным шагом направился к столику трех компаньонов. Не

спрашивая разрешения, он, отодвинув стул, по-хозяйски уселся напротив временно прекративших завтракать туристов и, улыбнувшись, бросил:

– Ну, здорово, мужики!

Алекс, чуть опустив газетный лист, исподлобья глянул на незваного гостя и ответил равнодушным тоном:

– Здравей видали.

Вошедший чуть сконфузился, а затем, видимо, что-то вспомнив – ударил себя ладонью по лбу и весело добавил:

– Вам привет от Володи Мороза!

Тут же некоторая настороженность, висевшая над столом, мгновенно улетучилась. Алекс оклабился и, протянув через стол свою руку, произнёс:

– Ну, с прибытием!

Новоприбывший пожал руку старшего по команде, а затем проделал эту церемонию с остальными. И после этого сразу же заявил:

– Пацаны, как тут пожарть заказать? Я, блин, со вчерашнего утра маковой росинки в рот не положил!

Лёха ответил:

– Щас всё будет, не бойсь. Правда, время завтрака типа кончилось, но мы сейчас что-нибудь придумаем – И, встав, тут же направился к немедленно двинувшейся ему навстречу Малгожате, что-то с ней деловито обсудил – после чего, вернувшись, похлопал пришельца по плечу:

– Солдат не умрёт голодным! Сейчас на кухне подсуетятся...

Алекс спросил у новоприбывшего:

– Тебя здесь ничего не держит? Какие-то дела незаконченные, или поручения? Можем прямо сейчас ехать?

Тот подумал пару минут – а затем решительно бросил:

– Нет, ничего. Перекушу – и можем двигать; тем более, я гляжу – вы уже позавтракали.

Алекс кивнул.

– Гут. Тогда ты сейчас ешь, а мы пока в номер. Соберемся, рассчитаемся за проживание – и по машинам. Обедаем по дороге между Сандомерцем и Красником. Сбор во-о-он у того серебристого «Пассата» через сорок минут. Уложишься?

Вновь прибывший широко улыбнулся.

– В учебке укладывались в пятнадцать минут – обед с первым, вторым и третьим.

– Тогда отлично. Ждём тебя в машине!

Через сорок минут серебристый «Фольксваген» с белорусскими номерами, выдохнув перед дальней дорогой синеватым дизельным выхлопом, направился с мотельной стоянки на северо-восток, в сторону Сандомира. Стоявшая в это время у входа в ресторан официантка, помахав напоследок пассажирам платочком, этим же платочком утерла набежавшую в уголок глаза слезу... Странные постояльцы исчезли – так же внезапно, как и появились; и никто, кроме дружелюбной Малгожаты, на следующий день уже не вспоминал необычных туристов, так и не удосужившихся за двое суток проживания в мотеле осмотреть красоты Кракова или соляные копи Велички...

* * *

Они въехали в Гарволин ближе к вечеру, когда весело светившее апрельское солнце уже закатывалось за синеющий горизонт. Городок так себе, ничего выдающегося; Рынок с окружающими его домами постройки начала двадцатого века, неприменный костёл под готику, вит-

рины магазинов... Таких городков в Польше – многие сотни, похожих друг на друга, как горошки из стручка.

Серебристый «пассат» остановился на стоянке чуть ниже Рынка; его водитель тут же был вынужден заплатить пронырливому парковщику неизбежную пятерку; затем, не спеша, квартет пассажиров авто направился к кучке молодёжи, хаотично клубящейся у дверей пары заведений, без труда ими опознанных, как бары.

Одиссей осторожно спросил у Алекса:

– Слышь, Саша, а чё мы тут забыли? До границы еще километров сто пятьдесят где-то...

Алекс покровительственно улыбнулся.

– Нам пока граница без надобности. Нам надо легализовать тебя по полной программе. – А затем, хитро прищурившись, спросил: – Ты вообще как, боли не боишься?

Одиссей почесал затылок.

– Ну, не сказать, чтоб совсем не боюсь... А что?

– Да так, придется тебе сегодня, по всей видимости, малёхо пострадать для достоверности.

Одиссей вопросительно уставился на старшего группы «туристов».

Тот, оглядев тусующуюся молодёжь, едва заметно указал на группу коротко стриженных подростков:

– Видишь вон тех, в бело-голубых шарфах?

Одиссей взгляделся в толпу и молча кивнул.

– Это – фанаты познаньского «Леха». Завтра в Люблине «Лех» играет в кубке Польши с люблинским «Заглембе», и эти ребятишки прибыли пофанатеть за свою команду. Они – идеальный инструмент для того, чтобы ты обрёл почву под ногами, то бишь – получил возможность легально пересечь границу. – И, видя, что Одиссей продолжает непонимающе смотреть на него, продолжил: – В общем, ты пока не грузись, сейчас зафиксируемся в гостинице и приступим к выполнению первой части плана.

Миновав толпу галдящих подростков, они подошли к гостинице. Тут Алекс, оглядев своих янычаров, тяжело вздохнул и спросил:

– Пацаны, кто готов поиметь геморрой на задницу?

Лёха, сплюнув, сказал, ни на кого не глядя:

– Ладно, сегодня моя очередь быть добровольцем. Я.

Алекс кивнул.

– Я так и думал. Давай свой паспорт. Саня, ты пока с Лёхой покочумай тут на входе, мы впишемся и минут через десять вернемся. Не скучайте! – С этими словами он вместе со Славой исчез за зеркальными дверями небольшого отельчика «Полония».

Оставшись наедине с Лёхой, Одиссей спросил:

– А в чём фишка-то?

Лёха тяжело вздохнул и неторопливо объяснил своему визави:

– Щас Саня снимет номер на три osoby – скажет на рецепции, что я ставлю самоход на паркинг. То есть меня вживую тётки эти не увидят. Потом вы – уже без меня – пойдёте в бар, провернете там небольшую акцию – и ты станешь Алексеем Татаринным; я же малой скоростью в это время отправлюсь на юг, поближе к хохляцкой границе. Если вам удастся проскочить без палева – я попрусь через Гребенне или Дорохуск на ридну Украину. Если карта ляжет удачно – пройду рубеж без проблем, если нет, – Тут Лёха еще раз пренебрежительно сплюнул: – то меня закроют до выяснения. Месяца где-то на полтора. Да ты не менжуйся и сочувствовать мне особо не спеши – мы ведь знали, на что идём, когда взялись за это дело. Володя Мороз очень за тебя просил, а мы ему здорово обязаны...

Одиссей молча кивнул. Володя Мороз – это Тетрис, его коллега; что ж, будем надеяться, что у пацанов всё получится...

Как бы в ответ на его молчаливые сомнения Лёха, махнув рукой, бросил:

– Не ты первый – не ты последний; не мучайся сомнениями, Алекс тебя до Бреста, как младенца в люльке, доволокет!

Одиссеей недоверчиво покачал головой.

– А что ж тогда про побои спрашивал? И я что, по твоему паспорту через границу попрусь? Мы ж не похожи вообще?

Лёха таинственно улыбнулся и ответил:

– А не спеши поперёк батьки в пекло. Паспорт тебе мой без надобности, мне он нужнее. Тут вопрос во времени пересечения границы.... Да ладно, не напрягайся! Придёт время – всё сам и узнаешь.... О, вот и наши бойцы!

Вчетвером они прошли к автобусному вокзалу, находящемуся здесь же, на площади – и Алекс, достав бумажник, обратился к Лёхе:

– Короче, погужуйся в Перемышле и окрестностях дня четыре; там в Пшеворске и Ярославе, я слышал, есть замки – посети. Купи путеводители, рекламные буклеты, побольше всякой хрени. По легенде ты – студент из мажоров, путешествуешь в своё удовольствие, шарись по замкам и крепостям южной Польши и Украины. В Медыке, ежели поляки станут пытаться, почему здесь границу пересекаешь, а не в Бресте – скажешь, что едешь посмотреть на замки в Баре, Галиче, Золочеве, Скалате – запиши на всякий случай. Да, сюда же можешь до кучи и Хотин с Каменец-Подольским назвать, хуже не будет. В дьюти-фри купи три бутылки дорогого коньяка – «хеннеси» или «курвуазье»; «мартель» не покупай, сейчас у мажоров эта марка не в почёте. Три! К провозу разрешена одна, две ты, поломавшись, как целка – отдашь хохлам, они тебя за это будут в жопу целовать, и пропустят на ридну неньку Украину без напрягов. Вроде всё?

Лёха молча кивнул, и, достав пошарпанный блокнотик, старательно записал названия указанных населенных пунктов.

Алекс протянул ему паспорт и кипу банкнот.

– Здесь тысяча злотых и пятьсот бакинских. Доберешься до Хохляндии – брякни мне на домашний, у меня дома всегда кто-нибудь есть. Сообщишь о прибытии. Если не брякнешь – будем знать, что тебя приняли.... Потерпишь?

Лёха улыбнулся.

– А если я скажу, что мне эти полтора месяца будет невозможно посидеть – ты сам в Перемышль поедешь? Перетерплю, чего уж там...

– Ну, тогда всё. Твой автобус до Жешува через двадцать пять минут отправляется – мне в рецепции паненка доложила. Так что – счастливого пути! Ни пуха!

– К чёрту! – отрубил Лёха и, пожав руки оставшимся у гостиницы товарищам, не спеша, направился к автовокзалу.

Алекс обернулся к двоим оставшимся своим спутникам.

– Теперь – пункт номер два. Саня, ты сейчас у нас – прима-балерина Большого театра. Задача у тебя простая, как три копейки: заходим в бар, и, если видим бело-голубых – ты подходишь к стойке и заказываешь выпивку. Кладёшь лопатник на стойку. Запомни этот момент – от него всё зависит. Как только положил лопатник – типа, приготовился рассчитываться – ближайшему фанату «Леха» говоришь какую-нибудь гадость. Но говоришь так, чтобы слышал только он и его коллеги. Он тебе тут же рихтует физиономию, мы подписываемся, и устраиваем небольшую битву под Матеёвицами⁵. Полиция примчится сразу – постерунек вон, напротив. То есть убить или всерьез покалечить мы кого-то вряд ли успеем, да и нас вряд ли крепко помнут – ежели планида окажется к нам спиной.

⁵ Последнее сражение между польскими и объединёнными прусско-российскими войсками в период восстания Тадеуша Косцюшко (1794 г.), в котором польские войска были окончательно разбиты, а сам Косцюшко, раненый, попал в плен.

Одиссей почесал затылок.

– Алекс, мы ж тут типа чужие.... Как бы проблем не навалилось.

Его собеседник покровительственно улыбнулся.

– Познаньцы здесь еще чужее. Ты учти, когда мы говорим о поляках – говорим вообще-то о трех или четырех разных народностях. Здесь, где мы сейчас стоим – была Российская Империя, её Привислянский край. Со здешними аборигенами мы общаемся свободно, и они наш типа польский отлично понимают. Познань была Германией, и тамошний польский язык мне лично почти непонятен, да и русский там понимают с трудом. Так что здешние и познанцы – две очень отличных друг от друга нации, с очень разной ментальностью и исторической судьбой. Может быть, поэтому и посейчас у местных с великопольскими очень и очень большая недружба. Вражды, конечно, открытой нет – всё ж формально они единая нация – но в нашем случае менты будут за нас стопудово: какие-то, блин, познаньские отморозки напали на коммерсантов из Беларуси! Мы, чтоб ты знал, в этой местности частенько лук и яблоки закупаем, так что, сам понимаешь, малую толику в бюджет этого Гарволина потихоньку вкладываем. Район этот сплошь крестьянский, доход здешние селяне имеют только с земли, местные власти в экспорте своей продукции заинтересованы кровно. Поэтому в благожелательности местных ментов к нам можешь не сомневаться. Так вот, с того момента, как нас примут и поволокут в мусарню – ты Алексей Татарин, у которого злые познаньские фанаты стырили паспорт. Лопатник в свалке наверняка кто-нибудь приберет, а нет – мы сами его на пол типа случайно сбросим.

– И что, этого будет достаточно? – удивился Одиссей.

Алекс терпеливо разъяснил:

– Нет, этого будет мало. Но с бумагой из здешней мусарни мы тут же отправимся в наше консульство в Варшаве, где тебе, Алексею Татарину – а мы со Славой на Библии поклянемся, что ты – это ты – так вот, там тебе выпишут разовый пропуск на проезд границы. Для консульских сидельцев это – обычное дело. Белорусов в Польше каждый год бывает по полтора миллиона, из них сто-сто пятьдесят раззяв и балбесов, которые теряют свой паспорт, всегда найдется. Так что это дело в консульстве поставлено на промышленную основу, и ксиву тебе выпишут за часа полтора – тем более, у них на руках будет бумага из гарволинской полиции, где подтверждается твоё имя и фамилия. Консульский сбор уплатим – и можем отправляться в любезное Отечество.

– А Лёха? – Одиссея в этом раскладе пока всё устраивало, но не получится ли так, что за его успешное возвращение на Родину кто-нибудь сурово поплатиться?

– А Лёха, как ты уже слышал, перейдёт границу с Украиной. Конечно, могут и его по компьютеру пробить, но для этого он должен вызвать подозрение у погранцов поляцких; а он всё сделает так, чтобы подозрений не вызвать. На крайняк – ежели его пробьют и с удивлением узнают, что границу оный гражданин уже пересёк – отсидит полтора месяца за нарушение правил пересечения рубежа, да поляки ему штамп запретительный на год впендюрят. Криминала ж нет никакого!

– Тогда пошли? Где нам удобнее это сделать? – Одиссей вопросительно глянул на Алекса.

Тот вздохнул, перекрестился и, оглядевшись, решительно кивнул на ближайшее заведение:

– Туда!

В гомонящем и галдящем баре обстановка была, как в любом подобном заведении в любом уголке Земли – сигаретный дым, пиво, бубнящий в углу телевизор; Одиссей, увидев у стойки троицу парней явно фанатского вида, украшенных бело-голубыми шарфами – решительно направился в их сторону.

Как бы случайно толкнув самого рослого из фанатов «Леха» (и к тому же не извинившись), Одиссей, как и велел ему Алекс, выложил на стойку бумажник и, обратившись к бармену, произнес на польско-белорусской трясанке:

– Прошам тшы куфли пива и тшы фрытки з паприкою.

Бармен молча кивнул и, отойдя к крану, принялся наливать пиво. Одиссей, обернувшись к недружелюбно глядящему на него познаньцу – произнёс вполголоса, так, чтобы не слышал бармен:

– Цо, курва, глэндашь? Ходжь до дупы, пся крев⁶!

Познанец в первую секунду остолбенел от такой наглости – его глаза едва не вылезли из орбит – но, надо отдать ему должное, оторопь продолжалась у него крайне недолго. Тут же, не прибегая к ответным оскорблениям, познанец развернулся и с размаху врезал Одиссею кулаком в левую скулу.

Ого! В глазах заплясали огоньки, потолок пошатнулся – но, устояв, Одиссей, не очень надеясь на своё боксёрское мастерство (вернее, зная, что его нет), ринулся в ближний бой, и, успев правой рукой крепко сжать шею познаньца до того, как тот повторил удар – левой дважды изо всей силы зарядил ему под дых. Внутри атакованного познаньца что-то явственно хрустнуло, и только что яростно сопротивлявшееся тело как-то враз обмякло; но, как через секунду понял Одиссей, это было только началом...

Товарищи оскорблённого познаньского фаната слышали, что Одиссей сказал их земляку и единомышленнику, и, увидев, что между их товарищем и пришлым русским завязалась потасовка – ждать не стали, мгновенно вступив в драку; получив чувствительный удар по почкам, Одиссей на мгновение ослабил хватку – и тут же мир обрушился на него всем своим многотысячным весом – третий фанат «Леха» засадил ему с размаху в челюсть; вспышка, мгновенная оглушающая тишина – и стремительно удаляющийся потолок, ножки стульев у стойки, удар головой о пол – и вдруг наступившая блаженная тьма...

Очнулся он уже в полицейском участке; о том, что это был именно участок – свидетельствовал сначала специфический запах, а затем, когда Одиссей открыл глаза – решетка, отделяющая место его «отдыха» от коридора, по которому время от времени шныряли люди в форме. Алекс со Славой, сидевшие на шконке напротив, увидев, что Одиссей подаёт признаки жизни – обрадовались, как дети.

– О, живой! А ты говорил – в больницу! – Слава подошёл к Одиссею и, сочувственно покачав головой, добавил: – Ты б нам сказал, что навыков в рукопашке у тебя негусто, мы б чё другое придумали... О как тебя разделали! – Чуть покровительственным тоном добавил он (хотя здоровенный, быстро наливающийся сине-зеленой темнотой, бланш под левым глазом Славы вовсе не говорил уж о каком-то его совсем немислимом мастерстве в рукопашном бою).

Одиссей попытался встать; голова бешено закружилась, но он, отстранив пытающегося ему помочь Алекса – всё же сел на шконку. Ого! Однако... Во рту – мерзкая каша из сгустков крови и осколков зубов, левая скула пылает, как будто на неё компресс из уксусной эссенции наложили, почки болят так, как будто в них – камни величиной в кулак. Повесились, однако...

Одиссей, не имея возможности говорить – рукой указал Славе на стоящую в углу урну, и, когда тот поднёс её поближе – старательно, в три приёма, повыплёвывал изо рта чёрные сгустки крови и костяное крошево, стараясь уберечь язык от торчащих во рту обломков бывших зубов. Алекс подал ему здоровую железную кружку с тепловатой и отдающей каким-то лекарством водой – и Одиссей прополоскал рот, выплёвывая розовую пенящуюся воду в ту же урну.

Ну что ж, вроде полегчало, хотя рваные лохмотья ткани внутри ротовой полости продолжали сочиться кровью; Одиссей поставил урну у своих ног, чтобы иметь возможность эту кровь сплёвывать. Блин, хоть бы не все зубы вынес ему этот фанат «Леха»... А кстати, интересно, чем

⁶ Грубые польские ругательства

закончилась драка? Он осмотрел своих товарищей – кроме фингала у Славы, других видимых повреждений у них не наблюдалось. Интересно, а что с противоположной стороны?

– А где наши... оппоненты? – спросил он у Алекса, едва ворочая языком в непривычной для того среде; пока рваные раны во рту заживут, да пока удастся как-то решить вопрос с протезированием – он знал, что ему еще придётся намучиться, сплёвывая кровь и рана язык об осколки зубов...

Алекс улыбнулся.

– А в больнице! Тебя тоже хотели туда свезти, но Слава запротестовал, объяснил тут капитану, что нам срочно домой надо, а в больничке вся песня может затянуться. Да и выбитые зубы дома у нас лечить не в пример дешевле... Тебе что-то вкололи, чтобы сердце не остановилось от шока – и сюда привезли. А наших гавриков – прямиком в травму; ты там одному ребро сломал, а у двоих – благодаря нам со Славой – проблемы с челюстью и перелом предплечья. Повреждения не шибко серьезные, но и не шутейные, так что ребятишки недельки три будут отдыхать у здешних травматологов.

– А кто... виноват? С юридической... точки зрения?

Алекс насмешливо оглядел Одиссея.

– Ну, вот как ты думаешь, если двадцать свидетелей в один голос заявили, что первым тебе впаял познаньский фантик – кого здешние мусора объявят крайними? Меня капитан полчаса уламывал заяву не писать – дескать, у них из-за этих фанатов и так постоянные проблемы, зачем мы будем им статистику портить, всё равно мы ж тут правосудия дожидаться не станем... В общем, разрешил я ему себя уговорить; к тебе сейчас доктор придёт, осмотрит, определит степень повреждений – и, ежели он признает тебя транспортабельным, то мы переночуем в гостинице и утром чухнем в Варшаву. Бумагу я уже выправил, там менты подтверждают своим честным словом, с подписями и печатями, что у тебя, Алексея Татарина, во время драки был похищен паспорт. Данные которого они, блин, не поленились у рецепторши нашего отеля списать, службисты... У тебя вообще как самочувствие?

Хм, хороший вопрос...

– Утром буду, как штык. А пока полежать бы часов десять... – Чёртовы обломки зубов ужасно мешали говорить, язык то и дело царапался о них; было не столько больно, сколько неприятно.

Алекс кивнул.

– Завтра утром и решим; может, сразу поедем, а может – ежели тебе будет не шибко комфортно – подождём денек, над нами не каплет. Гут?

Одиссей кивнул, соглашаясь.

В коридоре мелькнул белый халат – и в сопровождении сержанта в арестантскую вошёл пожилой коренастый врач с усами а ля Пилсудский, всем своим видом внушающий уважение к медицине вообще и к гарволинским эскулапам – в частности.

Медицинский осмотр много времени не занял. Послушав Одиссея, внимательно исследовав его ротовую полость (а, заодно, заставив хорошенько прополоскать её раствором марганцовки и какой-то вонючей жёлтой жидкостью), задав дежурные вопросы о тошноте и головокружениях (понятно, эскулап подозревал сотрясение мозга), и, выписав пяток разных наружных и внутренних лекарств для заживления его ран – врач признал пострадавшего в драке ограниченно годным к транспортировке на близкие расстояния, то бишь – до Варшавы и Бреста. Затем они по несколько раз расписались в разных полицейских протоколах, подписали отказ в возбуждении дела по факту избиения, а напоследок (уже у крыльца полицейского участка, за кустом акации) Алекс еще и маханул с двумя сержантами и весьма довольным таким решением щепетильной проблемы капитаном по стакану коньяка в знак нерушимой белорусско-польской дружбы.

Одиссей рассмотрел бумагу, выданную для него Алексу в гарволинской полиции. Теперь он Алексей Татаринов, житель города Бреста, коммерсант... Непрошенная горечь подобралась к горлу; неизвестно, кем он станет послезавтра, после пересечения границы – но Александром Леваневским ему уж точно в ближайшие годы не бывать! Он перестал им быть в ту секунду, когда, углядев в ночи возвышающиеся в кузове арендованного Яношем Фекете грузовичка картонные коробки – сиганул вниз с третьего этажа тюремной больницы, немало опасаясь промахнуться. С этого момента Александр Леваневский на долгие десять лет становился разыскиваемым венгерской юстицией (а, кстати, и Интерполом) беглым уголовным преступником, и уже никак и никогда, никаким образом не сможет, не рискуя оказаться вновь за решеткой, навестить родной дом и погреться у домашнего очага. Мама, знакомые, родственники, друзья... Всё это еще только придётся забыть, а потом ещё нужно будет найти в себе силы решительно перечеркнуть тридцать три года прожитой жизни – и начать всё с чистого листа. Знать бы сейчас – сможет ли он сделать это?

Он достал из внутреннего кармана фотографию с надписью на обратной стороне, сделанной почти два года назад карандашом для век. Вот так-то, милая Герди... Твой Александр Леваневский, которого ты знала раньше – четыре дня назад превратился в бесправного беглеца, растворившегося на просторах Евразии, в неуловимый миф и бесплотный призрак когда-то существовавшего человека; и теперь в твою дверь постучит – если, конечно, ему еще удастся это сделать – совсем другой человек. Узнаешь ли ты его? Примешь ли? Да и захочешь ли принять?

Я очень хочу верить, что произнесенное тобою два года назад в тюремной больнице Будапешта обещание всё еще в силе, что ты по-прежнему ждешь меня, каждый вечер в шесть часов вглядываясь в сгущающиеся сумерки. Я верю в тебя – и только эта вера заставила меня перешагнуть через оконный пролет и прыгнуть в казавшийся сверху таким маленьким кузов грузовичка; вера и надежда, порожденная ею. И ещё любовь – потому что нельзя человеку жить без любви; я знаю, что до сих пор жив лишь потому, что люблю тебя, Герди.

Я свободен! Пусть пока наполовину, пусть для того, чтобы окончательно избавиться от угрозы ареста, мне еще предстоит двое суток жить под дамокловым мечом – но главное уже сделано. Я дышу воздухом свободы, одним воздухом с тобой, мой немецкий Рейнеке Лис со стальными глазами... У нас с тобой есть сын, и поэтому у нас есть будущее – и неважно, под какой фамилией мы будем это будущее строить! Важно другое – я люблю тебя; эта любовь вырвала меня из-за тюремных стен, и я знаю, что она же приведет меня к тебе – рано или поздно. Я не могу пока постучать в твою дверь в доме номер девяносто два по Мартин-Лютерштрассе, как обещал, в шесть часов – мне надо уладить кое-какие формальности – но я знаю, что очень скоро я сделаю это... Обязательно сделаю!

Одиссей аккуратно уложил фотографию обратно во внутренний карман куртки, сложил казенную бумагу, положил её в карман брюк – и, вздохнув, направился к гостинице, немного припадая на левую ногу; с этой минуты для него начиналась новая жизнь, и ответ на вопрос, какой она будет – оставался пока за наглухо задернутым пологом мрака неизвестности...

* * *

Подполковник Левченко поднимался на второй этаж Управления, весьма довольный проведенной операцией. Правда, теперь на его голову сваливалась целая куча проблем по легитимизации новоявленного Бондаренко Александра Мирославовича, каковая легитимизация потребует целой тучи вспомогательных документов, начиная от военного билета и кончая справкой из ЗАГСа о расторжении брака – но главное было сделано. То, что у майора Ведрича по этому поводу будет пару недель болеть голова – так на то майор и занимает такую должность; пушай на двоих со своим капитаном выискивают расформированные воинские части,

разорившиеся фирмы и канувшие в лето ЖЭКи, чтобы новоявленный гражданин вильной, самостийной та незалежной Украины мог стать добропорядочным членом общества, получив полные права этого самого гражданства, включая возможность избирать и быть избранным... Если, конечно, таковые права нашему украинскому неопиту когда-нибудь понадобятся. На то майор и получает своё жалованье. А у самого подполковника теперь задача одна, приятная во всех отношениях – доложить Калюжному о блестящей проведенной переброске.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.